

Вячеслав НАЗАРОВ

Рисунок М. Живило

1

Я, Кол Либер, зистор шестого срока, неплохо сохранился, если не считать некоторых неувязок на физиономии, мелкой недостачи по части пальцев, природной близорукости и синтетической почки. Такое везение я всецело приписываю всемогущей силе Устава Десантной Службы, который я боготворю и всю сознательную жизнь неукословно исполняю. Это я к тому, что бесполезно впутывать меня в историю с восставшими супрами: ко мне не подкопашься, я выполнял приказ, и взятки с меня гладки.

Однако Устав даже зистору не возбраняет иметь глаза и уши, а в дополнение к ним — голову, хотя бы как держатель поименованных органов чувств.

Вот вы мне внимаете уже добрых пять минут, и по вашим лицам я вижу, что вы думаете: вот — стопроцентный болтун, от которого ничего путного не добьешься. А мне как раз это и надо. Первая заповедь армейской пешки вроде меня — болтай как можно больше, чтобы не сболтнуть лишнее. Половина ребят, с которыми я начинал, давно уже скулят в отставке, а я все летаю. Низкий поклон тому сметливому прапращуру, который впервые придумал слова. Ими можно так запутать простейшее дело, напустить такого тумана, в котором даже супры рога себе облояют.

Вот мы и до супров добрался. Я отлично понимаю, что они вас в данную минуту интересуют гораздо больше, чем моя скромная особа. Поэтому я кончаю трепаться и перехожу к делу. Только прошу учесть — во всем, что произошло, я до сих пор ни бельмеса не понимаю, так что отключить существенное от несущественного не могу. Разбирайтесь сами, а я буду рассказывать, что видел и слышал.

Утро в тот день выдалось погожее. Наша ЛБ-13 зависла над самым океаном, не больше двух-трех сотен метров над поверхностью, в квадрате... Впрочем, квадрат — это не мое дело. Для штатских поясняю, что ЛБ — это Летучая База, а 13 — порядковый наш номер, и тот, кто его дал, как в воду глядел — с нашей базы все и началось.

Итак, зависли мы над самым океаном, и я сразу смекнул: опять сегодня высокое начальство будет на супров любоваться. Уже целую неделю эти престарелые боги-громовержцы из МСК околачиваются на Рубере (что такое Международный Совет Космонавтики — даже штатским объяснить не надо, я думаю). На нашей ЛБ старцы заседают вторые сутки, и наш славный консул-капитан Морт Ирнс, в просторечии Мортира, сбросил за эти сорок восемь часов килограммов десять. Что касается нас, мелкой сошки, то мы отделались внеочередной медкомиссией и дополнительными двухчасовыми занятиями

по Уставу. Дело в том, что высокие гости притащили с собой какие-то новые чудо-торпеды, которые якобы способны уложить супра. Пусковые кнопки этих торпед немедленно опечатали и под угрозой трибунала запретили ими пользоваться в любой ситуации. Нажать такую кнопку разрешалось только тогда, когда консул-капитан свяжется с Геей по Внутренней Дуге и испросит благословения минимум трех членов МСК. А это, учитывая все обстоятельства, значило — никогда.

Я за три года службы на Рубере видел не меньше десятка таких комиссий и таких чудо-торпед. И твердо уверен: все эти ультраторпеды, кроме той, последней и роковой, были детскими погремушками, которыми пытались поднять наш боевой дух...

Застунив в то утро на дежурство по Верхнему боевому ярусу, я заставил своего единственного подчиненного, младшего зистора Юла Импера, навести повсюду шик и блеск, потому что первым делом гостей с Геи поведут на Верхний ярус: отсюда прекрасный обзор и прекрасная возможность пустить пыль в глаза новейшим оборудованием.

Юл Импер попал к нам прямо после училища, сменив погоревшего на внеочередной медкомиссии Кили Овера. Парень он исполнительный и расторопный, но с первого же дня наметился у него свой норов — он всей душой безоглядно и беспричинно возненавидел супров. То ли в генах у него какая-то закорючка отложилась, то ли, как с детьми бывает, не под настроение увидел их впервые, только стоило ему засечь супра в перекрестке прицепа — у него даже руки дрожать начинали, честное слово.

Юл закончил приборку часов в восемь. Стелла к тому времени уже совсем выползла из-за горизонта и дрожала в голубоватых воздушных вихоротах огромным яичным желтком. Вокруг воздуховоротов роились, сливаясь и разрываясь, узкие коричневые кольца, во второй половине дня они разбухнут, раздутятся, сложатся в качающиеся пирамиды, поставленные на острия, и закроют небо. И океан, который утром похож своими рубиновыми переливами на шерри-брэнди двойной очистки, станет багрово-черным, как венозная кровь. А ночью крутанет такой ураган, что если бы не антигравы, зашвырнуло бы нашу «летающую тарелку» ко всем чертям, за тысячу парсеков.

Такова Рубера, Красная планета, сплошной океан без намека на сушу, гигантский пузырь чудодейственного протовита, подаренный неизвестно кем, неизвестно за что и неизвестно зачем.

Спать с умным видом и открытыми глазами я научился еще в десантной школе на общеобразовательных лекциях. С годами это полезное умение стало высоким искусством. Могу держать пари на что угодно — соперников по этой части в Галактике у меня нет.

Поэтому, когда Юл Импер встал пред мои незрячие очи, я сначала досмотрел содержательный сон про одну мою знакомую и лишь потом включился. Юл уже закончил доклад и ожидал

дальнейших указаний. Я не стал его травмировать, требуя повторить сказанное, тем более, что ярус блистал чистотой, как совесть двухмесячного ребенка.

— Отлично, младший зистор Импер, — сказал я по-отчески. — Вы неплохо выполнили приказ. Если вы всегда так ревностно будете относиться к обязанностям, предписываемым Уставом, из вас получится настоящий десантник.

Надо сказать, у меня незрядно трещала голова после вчерашнего. Не торопитесь с выводами — за этот бок вы меня тоже не ухватите. Я знаю, что выпивать на Базе запрещено, и свято блюду запрет. Но Устав учит нас помогать друзьям, а Киль Овер был мой лучший друг и лучший химик за краем Геи. При помощи элементарного перегонного устройства он превращал в жидкость все, что попадало ему под руку. Но у него не было литературных способностей, чтобы достаточно ярко описать свойства своих смесей. Поэтому он часто приглашал меня на свои одинокие химические вечера. Мы работали для чистой науки, по мере сил заносил результаты в специальный журнал. Когда Киль забракела ко миссия, он со слезами на глазах приготовил смесь, которую в честь меня назвал «Кол». Я оставил себе флагу для более подробного описания. Продукт получился — этот «Кол» — в горле колом стоит. Можете попробовать...

Словом, спать мне захотелось зверски, но не оставлять же подчиненного без дела? Усадил я Импера рядом, пододвинул ему прицельные стереоокуляры и стал объяснять азы нашего ремесла на Рубере.

— Зачем мы здесь торчим? Мы торчим здесь затем, чтобы обеспечить танкерам безопасный забор протовита. От кого мы защищаем танкеры? От супров, ибо одно такое создание может превратить в облако пара весь наш танкерный флот. Как мы их защищаем? Никак, потому что супры еще никогда ни на танкеры, ни на нас не нападали. Просто во время заправки мы отвлекаем внимание супров на себя, делая несколько провокационных выстрелов. Супры начинают нас «шунать», а мы переходим на режим «зеркала»: супр нас лазером — и мы его лазером по тому же месту, супр нам боеголовку — и мы ему точно такую же. Такая «перекидка» продолжается до ночного урагана, танкер тем временем направился и уносит ноги подальше, а ночной ураган заключает мир между нами и супрами. Утром супры ничего не помнят, а мы помним да по-малкиваем — до следующего танкера... Вот и вся работа.

Тут-то я и заметил, как у него руки трясутся: весь бледный, одной рукой за окуляторы держится, другой к лусковым тумблерам тянется.

— Ты это, парень, брось, — говорю я как можно более строго. — Тебе на этом щите делать нечего. Здесь машина хозяйка. Она следит, считает, думает и стреляет — все сама. Человеку такое не под силу. Ведь вся загвоздка в том, чтобы ответить супру точно тем же — надо мгновенно оценить род и мощность заряда, траекторию, место удара и прочее — и мгновенно ответить. И не дай бог промазать...

— А что, если промажешь?

— Супр повторит удар, только раза в два-три сильнее.

— А если и ему — посильнее?

— Он еще сильнее поддаст. Ему что — у него мощи хватит на десять таких ЛБ, как наша.

— Значит, мы практически беззащитны?

— Как так — беззащитны? Оглянись кругом — все, что до сих пор придумано, чтобы убивать, рвать, жечь, ломать, кромать, превращать в пар, пепел, дым, дробить в пыль, в молекулы, в атомы — все собрано на нашем «летающем блюдечке». А ты говоришь — беззащитны...

— Но супры сильнее? Если они решат всерьез напасть на нас, то запросто превратят нашу Базу — как это вы говорите? — «в пыль, в молекулы, в атомы». Значит, мы только делаем вид, что защищаем танкеры. На самом деле мы бессильны охранить даже самих себя. Бессильны со всем своим разумом перед этими безмозглыми сверхмогучими скотами...

Тут я рассердился всерьез. Не люблю, когда меня тычут носом во всякие сомнительные места.

— Младший зистор Импер, — говорю, добавляя в голос побольше соли. — Не распускайте сопли, вы не девчонка, потерявшая невинность, а десантник. Устав прощает все, кроме трусости. Супры не сильнее нас, они неуязвимей. Они почти бессмертны, так как нет ничего, что могло отправить их на тот свет. Супр мгновенно находит защиту от любого оружия. Но это совсем не значит, что мы должны отсюда сматываться. Гее нужен протовит. Этим все сказано. Такая наша работа. Не для сплунтяев...

Тут этот пострел глянул на меня — и все мое красноречие враз пропало. Клянусь, в его сумасшедших глазах не было ни тени страха, а только удивление, какая-то горечь и ненависть. Ой, какая ненависть... Тут только я понял, что руки у него не от страха, а от злости дрожали.

— Я не о том, Кол, — он так и сказал «Кол», и у меня не хватило духу его одернуть. — Я не о том. Я их не боюсь. Я просто не могу понять, откуда такая нечисть появилась. Ведь вокруг — протовит, живая кровь, океан первозданного добра. Протовит способен залечить рану, поднять из мертвых, оплодотворить и сделать плодоносной почвой тысячелетний гранит. Так откуда же на планете сверхдобра этакая сверхмерзость?

Я невольно покосился на бинокляры и еще раз помянул недобрым словом своих предков, наградивших меня близорукостью — контактные линзы я во время вчерашнего снял, чтобы не мешали самосозерцанию, а утром не смог надеть, потому что веки опухли. Будь мои гляделки на месте, может, и всей истории не было бы... Но об этом позже. А пока уставился в бинокляры и хоть плохо, а вижу: все вроде в порядке, супры, как положено, резвятся у горизонта — они нам не мешают, а мы им. И ничего в них особо мерзкого нет.

Конечно, супр вблизи вряд ли может вызвать симпатию. Представьте себе крокодила размером с добрый крейсер, покройте его двухметровым слоем пузырящейся и чадающей радиоактив-

ной слизи, хорошенько обмотайте ржавой колючей проволокой в руку толщиной и пропустите по ней ток в десяток миллионов вольт, не обращая внимания на фейерверк молний — вы получите фундамент, так сказать, «колодку» супра. Теперь суйте на эту колодку все, что вам взбредет в голову по части нападения и обороны, — все, что мы учили в школе, все, что слышали от бывалых людей, все, что снилось вам в кошмарах после мясного ужина, — хорошенько все это перемешайте, еще раз образните слизью, припудрите копотью и пускайте свое произведение в океан крови, под смрадные колпаки ураганных смерчей, в прерывистый ячно-желтый свет разбуженного солнца — ну как? Впечатляет?

Только разве супры-то виноваты, что такими уродились? Ведь мы к ним без приглашения пожаловали — им и без нас хорошо было. Жили себе не тужили, шкстотали многокиловаттными разрядами лазеров, зачинали в термоядерной страсти бронированных супрят — и вдруг является младший зистор Юл Импер и говорит: «Фи, какая мерзость! Хочу, чтобы все было по-другому!»

— Послушай, Юл, ты хороший добрый парень, чего тебе дались эти бедные чудовища? Чем они тебя обидели? Ведь они никому еще не причинили зла. Больше того, они позволяют воровать свой законный протевит у себя из-под носа и ничего не требуют взамен...

— Но они могут разрушить все и вся!

— Могут, но не разрушают! Значит, и у них есть какие-то тормоза!

— Нет, нет и еще раз нет! Вселенная создана для добра, а не для зла. И если природа поступила неразумно, разум вправе поправить ее.

Я вовремя заметил, что раскошегарился до неприличия. Тем более, что спорить я не мастак. Ведь если хорошенько подумать, то всегда приходишь к выводу, что твой противник по-своему прав. Вся загвоздка в том, с какой стороны смотреть. С одной стороны — оред, с другой стороны — решка. И как ты ни кидай монету, как ни спорь, как ни доказывай — один увидит орла, другой решку. К чему же в таком разе зря горло драть?

— Младший зистор Импер, — говорю я, поостыв. — Можете оставить свои родовые повелительные наклонности при себе — перевоспитывать вас я не собираюсь. Но если вы хотя бы на букву отойдете от Устава — обещаю вам крупные неприятности. А если ненароком заденете вон ту опечатанную красную кнопочку — стреляю по рукам без предупреждения. Ясно?

— Ясно, зистор Либер.

— Почему сердятся друг на друга мои мальчишки?

Сильный воркующий женский голос у тебя за спиной всегда действует наподобие кнута, а если звучит он в стальной кастрюле, заброшенной невесты куда и ты точно знаешь, что женщин в команде нет — бедный Юл, он даже пригнулся, не в силах оглянуться. А у меня точно камень с души свалился. Наш цид-биолог Сим Бибиоз, по совместительству психоаналитик и врач, имел чудесную особенность появляться вовремя. Ибо

голос портовой девочки принадлежал ему и никому другому принадлежать не мог, как никому другому не могли принадлежать неслышная кошачья походка и острый запах старт-шоколада, которым доктор, по его словам, уничтожал дурной привкус во рту.

На всех кораблях и базах доктора всегда на особом положении. Так было и у нас. Даже Мортира закрывал глаза и проглатывал язык, когда «папаша Би» гулял по боевым отсекам в ночной пижаме или называл всех «мальчиками» от младшего зистора до самого консул-капитана...

Но сегодня папаша Би был в форме, которая висела на нем, как пропеллер на верблюде.

— Юл, мальчик, тебя обидел этот несносный служака Кол? Он заставляет тебя разучивать Устав на два голоса с компьютером?

— Никак нет, цид-биолог Бибиоз, — это я Юла пожалел, он-то папашу Би впервые видит и даже не знает, кто перед ним. — Никак нет, мы не ссоримся. Просто у младшего зистора Юла Импера возникли некоторые вопросы относительно супров. Так сказать, научного порядка... А я не могу ему объяснить толком.

Папаша Би с ходу проглотил наживу. Говорят, до Руберы он был профессором в каком-то университете, а такие люди неизлечимы. Они могут читать лекции даже собственной кошке.

— Что же именно тебя интересует, мальчик?

— Ничего, — отрезал Юл, и глаза его полыхнули в мою сторону, как лампы-перекалки. — Зистор Либер объяснил мне все очень понятно. Вопросов не имею.

Но остановить папашу Би было уже невозможно. Он весь трепетал.

— Ты стесняешься, мой мальчик, ты просто еще стесняешься. А надо спрашивать, надо как можно чаще спрашивать, старый Сим Бибиоз откроет тебе все, что знает сам. Ты меня еще плохо знаешь, поэтому стесняешься спрашивать. Но я тебе помогу. Потому что я знаю, о чем ты хочешь спросить. Ты хочешь спросить — зачем? Я угадал? Ты хочешь спросить — зачем существуют супры? Ты хочешь спросить — почему на такой доброй планете возникли такие злые существа?

Представляю, что поднялось в голове у Юла после этих слов. Колени его как-то ослабели, а ладонки сложились лодочкой, как у брамина перед изваянием Будды.

— Супры — уникальные создания. Это самые современные в известной нам Вселенной биологические машины убийства и самые совершенные системы защиты от смерти. Эволюция довела эти два основных качества супров до такой крайней степени, что они уравнивали друг друга. На любой удар одной стороны у другой стороны есть защита, на любой яд есть противоядие. Наступила эра всеобщего бессмертия. Но ведь рождаются новые поколения. Куда им деваться?

— Лететь на другие планеты, — сказал я.

Уже не помню в который раз я прерывал лекцию нашего добрейшего папаша Би этой дурацкой репликой и спокойно засыпал. С открытыми глазами, разумеется. А папаша Би каждый раз

с энтузиазмом откликнулся: «Исключено. Протовит...» и т. д. Чем протовит мешал юным супрам, я до сих пор не ведаю, потому что засыпаю мгновенно...

Моя знакомая решила принять ванну и попросила меня расстегнуть ей платье с чересчур тугими пуговками, когда донесся вскрик Юла Импера: «Смотрите, док, они что-то затеяли! Они забесились!»

Я выругался про себя и обнаружил, что пристально смотрю в бинокляры на далеких супров. Самих супров я не видел, только какие-то тени качались в багровой мгле, но по ускорившемуся движению темных пятен я сразу засек, что у супров что-то случилось. Они уже не перестреливались между собой, они обозначили своими тяжелыми телами фигуру, напоминающую латинское «у», и затихли в ожидании.

А папаша Би ждать не стал. Оборванный на полуслове, он бормотнул что-то невнятное и бросился к видеофону. На экране появилось сухое тонкогубое лицо Мортиры. У него было выражение Мефистофеля, которого доктор Фауст надул в карты.

— Консул-капитан, докладывает цид-биолог Бибиоз. Судя по всему, в поле обзора ЛБ-13 происходит самоубийство супра. Все еще только начинается. Если уважаемым гостям будет угодно, они могут подняться на Верхний ярус...

Я лично о самоубийствах супров слышал впервые за три года на Рубере. И я спросил наивно:

— Док, разве супры все-таки умирают?

Бибиоз посмотрел на меня, как на нашкодившего мальчишку.

— Юл, ты только посмотри на этого типа! Стопроцентный десантник! Одна извилина для Устава, вторая — для выпивки, третья — для девочки, а четвертой уже не остается места. Я бытый час объясняю вам, как вынуждены сосуществовать супры в условиях полного равенства сил, а он так ничего и не понял! Неужели это так сложно? Если рождаются новые поколения, старые должны исчезать, так?

— Так.

— Покинуть планету они не могут, так как такого количества необходимого протовита, как на Рубере, нигде нет, так?

— Так, — подтвердил я гораздо менее уверенно, поскольку, по известным причинам, связь между супрами и протовитом была для меня загадкой.

— Следовательно, в условиях равенства сил и при отсутствии старения остается один выход: добровольный уход из жизни, то есть самоубийство...

— А как они делают это?

— Вот мы сейчас увидим, как.

Я представил свои контактные линзы на голубой стерильной подушечке, и еще раз осудил предков за генетическую безответственность.

— Я не о том, папаша Би. Как бессмертные супры ухитряются все-таки умирать?

— Если бы я знал это, мальчик, то не торчал бы сейчас на Рубере, а возглавлял бы мозговой центр оборонного ведомства или что-нибудь в

этом роде, а Мортира носил бы за мной мою трость...

Створки главного входа разошлись, и в проеме показался Мортира. Мы вскопили и застыли на вытяжку, опередив команду «Смирно!». Мортира движением робота, у которого заедает в суставах, сделал шаг в сторону. Секунду помешкав, на смотровую галерею Верхнего яруса ЛБ-13 вышли три седеньких улыбчивых старичка.

2

Я, Сим Бибиоз, цид-биолог Летучей Базы номер тринадцать на планете Рубера, помню день тридцать третьего мюона до мельчайших подробностей. Он стал днем моей величайшей победы и моего величайшего поражения. Победы — потому что я выполнил цель своей жизни и разгадал тайну супров. Поражения — потому что я сделал это слишком поздно.

Такое торжественное вступление требует пояснений, и я готов их дать. Рубера была для меня не только очередным объектом работы, как для других, — с тех самых пор, как я сменил скромный костюм университетского профессора патологии на экстравагантный для моих лет мундир Звездного десантника, Рубера стала моим шансом, моим путеводным маяком.

Может быть, я выражаюсь сейчас чересчур выпендрено, но вы должны меня понять — я слишком долго играл шута, слишком долго тайл свою мечту от чужого глаза. А я хотел величия — ни славы, ни денег, ни почестей — я хотел истинного величия, хотел бессмертия. Кто посмеет упрекнуть меня в этом?

Нет, я не страдаю комплексом неполноценности и не был неудачником с детства. Скорее наоборот. Но я ощущал над собой не поток, а небо, и небо влекло меня neodолимо. Я чувствовал в себе способность осилить большое, очень большое, и боялся растратить себя по мелочам, растратить силы раньше срока.

С тех пор, как заговорили о протовите — а это было достаточно давно, — я понял: это мое.

Протовит — квинтэссенция жизни, невозможная и все-таки существующая субстанция, создающая живое из мертвого. О протовите не подозревали, пока не наткнулись в дальнем закоулке Глубокого космоса на целый океан этой животворящей жидкости. И начали использовать, не дожидаясь, пока современная наука втиснет феномен в детские колготки своих теорий. Революция в медицине, возрождение почти начисто истребленной гениями дикой природы, пробы на мертвых лунах Геи, а потом — планомерное «воскрешение» безжизненных планет звездной семьи Гефа... Рубера поставляла протовит, а ученые бились в тупике не в силах разгадать его структурный код и до сих пор остаются исполняемыми принципами синтеза «космического подарка»...

Но я не спешил. Я ждал. Я копил силы для мертвой хватки, читал скучные лекции bestоловым студентам и чувствовал интуитивно, что все впереди.

И звезда взшла. Когда была открыта Рубера, я бросил все, чем занимался до этого, и стал десантником. Но прошло почти шесть лет звездного бродяжничества, прежде чем я правдами и неправдами сумел протиснуться в контингент, контролирующей Красную планету.

Жизнь на Рубере была для меня отнюдь не сладкой. Если с младшими чинами я быстро установил контакт, позволял им подтрунивать над своими штатскими привычками и женоподобным голосом, то старшие командиры приняли меня в штыки. Ведь точный перевод военного термина «шнд-биолог» — «биолог-убийца». По Уставу Десантной Службы я должен возможно скорее изучить флору и фауну контролируемой планеты с тем, чтобы найти возможность уничтожить ее при надобности. А надобность такая могла возникнуть, если инопланетная живность чем-то угрожала Гее.

Короче говоря, я был по своей должности палачом, и отношение ко мне высших чинов было соответственное: делай, что тебе положено, но нас не касайся, ты — грязный, ты — в крови.

Заниматься исследованиями, для которых я готовил себя, было невозможно в такой ситуации, и поэтому пришлось добавить себе нагрузку: занять при удобном случае вакантные места доктора и психоаналитика. Зато такое трехликое ампула врача, палача и священника, если пользоваться старинной терминологией, отдавало в мои руки фактическую власть над Базой. Я пользовался властью беззастенчиво, хотя никогда не выказывал вида, даже самый захудаленький младший зистор имел право похлопать меня по спине и соскрести под одобрительный гогот: «Эх, жаль, папаша Би, что ты не мамаша».

Итак, я стоял у дверей своей великой темы, я имел право и возможность открыть их, я имел силы и желание повернуть ключ в замке. Не хватало самой малости — ключа.

Супры породили множество легенд и домыслов, мрачных и устрашающих. Я изучил супров «кот» и «до» и могу заверить, что для подобных страхов реальных оснований не было, нет и, насколько я понимаю, не будет. «Неразумная природа» на деле разумнее нас. Воспроизводя все возможные варианты живой материи, она одновременно ограничивает либо зону, либо время жизни этих вариантов. Угроза существует только для незваного гостя, для существа иной среды...

Супр, эта самая грозная в мире машина истребления, вне Руберы, вне протовитового океана беспомощнее дождевого червя на бетонной трассе. У супра нет органов питания, выделения, дыхания — щедрая влага протовита и щедрое тепло Стеллы сделали их неуклюжими, супр — Атака, Любовь и Оборона, спаянные в одно бессмертное броненосное тело.

Конечно, бессмертие супра — понятие относительное. Ненсчерпаемый запас жизненной энергии, заключенный в океане Руберы, освободил плоть супра от печальной участи всего живущего — от старения. Каждый супр теоретически может существовать неограниченно долго, не теряя

своей мощи и пыла. Но такое бесконечное существование противоречит интересам вида в целом, нарушает смену поколений и тормозит развитие. Поэтому природа пошла на хитрость: она спрятала в мозгу супра секретные часы, тайный механизм, который в назначенный срок диктует всемогущему гиганту желание покинуть мир живых...

Этот механизм и был золотым ключом, с помощью которого я надеялся проникнуть в клан великих. Он открыл бы самую сокровенную тайну бытия — его смысл, его этическое начало, его заповедную цель.

Теперь я вижу, что пытался охватить чуждое нам нашими понятиями, свести неизмеримое к нашим меркам, осмыслить безоглядное нашим опытом — наивная затея. Но тогда мне казалось, что птица в моей ладони, и надо только не спугнуть ее...

Я прошу прощения за столь глубокое отступление в свои сокровенные помыслы и научные обстоятельства, которым день тридцать третьего июна по земному времени положил такой неожиданный и сокрушительный конец. Без этих помыслов и обстоятельств можно превратно понять дальнейшие события и мою роль в них. Повторяю — я был фактическим руководителем Базы, но я не имел права приказывать. Я мог хитрить, давать подтасованные сводки, подталкивать в нужную сторону, внушать исподволь, убеждать в заведомой нелепости, но приказывать мог только Морт Ирис.

Этот человек непонятен для меня. Мне кажется, он догадывался о моей двойной игре и ненавидел меня. Тем не менее он со временем все больше и больше передавал мне бремя своей власти и ни разу не воспользовался моими просчетами. Сомневаюсь, что это шло от благородства натуры: с другими он был жесток и не чурался бить насмерть, за что и получил нелестное прозвище «Мортира».

Рядовые десантники делились на две группы: зеленая молодежь, ищущая самоутверждения, вроде новобранца Юла Импера, и опытные, тренированные всеми ветрами и облученные всеми светилами «звездные волки» типа циника и лентяя Кола Либера. С первыми я слегка заигрывал и при случае льстил, со вторыми — мирно сосуществовал, потихоньку опутывая сеть мелких долгов без отдачи и случайных услуг. Мне была необходима опора в низах, психологический редут, за которым приказы Морта Ириса бессильны. Возможно, я поступил не совсем красиво, но разве для себя я старался, разве о собственном благодеянии заботился?

Последнее время мы держались вблизи одного из самых крупных сообществ супров, которое я называл Свирепой империей, а его вожака — Нероном. Клань супров существует, видимо, тысячелетиями и чужаков принимают неохотно. Но разработанная мной и заложенная в программы боевых компьютеров система «зеркала» примирила супров с присутствием ЛБ, и они перестали обращать на нас внимание.

Приезд комиссии Международного Совета Космонавтики был как нельзя кстати. В ее со-

тав на Руберу прибыл Сент Энцел, бывший ректор университета, где я преподавал в свое время. Теперь он малость выжил из ума, но меня помнил, а его сан кварт-секретаря в Лиге Старейшин обеспечивал ему поистине королевское положение в науке. Упустить потенциального покровителя в ранге короля было бы непристойной оплошностью, и я старался оставить у Энцела самое выгодное мнение о себе.

Оценивая сейчас свою степень виновности в прошедшем, я вынужден признать, что в те дни обращал больше внимания на Энцела и приближенных, чем на супров, реzzавшихся в опасной близости. Только этим можно объяснить факт, что я не заметил неожиданных и стремительных изменений в привычном жизненном укладе клана. Супры, разбитые обычно на флиртующие пары, прекратили любовную перестрелку и сбились в кучу, а Нерон и его громобойная подруга Клеопатра куда-то исчезли. Я обнаружил исчезновение, я даже зафиксировал факт в своем дневнике, но странность скользнула поверх сознания, занятого Энцелом, и не вызвала настороженности, обычной для настоящего исследователя в подобных случаях.

Любовные игры и апофеоз у супров малопривлекательны — на мой взгляд, антиэстетичность любви присуща всему живому. Я холост не потому, что отдавал много времени науке, а потому, что не имел желания выгладеть кретином ради хихиканья пустоголовой вертихвостки. Мне противно женское тело, влечение к нему бездуховно, оно не подчиняется логике и расслабляет мозг.

Однако, «вернемся к делу».

Любовь — практически единственный вид деятельности супров на Рубере. Условия существования не оставили им возможности заниматься чем-либо другим. Для осуществления акта любви существуют сложнейшие и труднейшие ритуалы, выполнение которых делает такой акт событием исключительным. Спаривание самца и самки превращается в многодневную оргию всего клана.

Вы можете себе представить похоть линкора? Флиртующий крейсер? Канонерку, соблазняющую эскадру миноносцев? Страсть содрогającychся бронетанкеров, от которой возникают помехи в радиосвязи? Когда я впервые стал свидетелем зачатия супра, я решил, что Галактика вот-вот рухнет, расшатанная распаленными громовержцами...

Энцел, к моему восторгу, проявил не по годам горячий интерес к супрам. Подозреваю, что его привлекали мощь и бессмертная сущность их плоти — дряхлые старики испытывают неодолимое влечение к подобным качествам. Я поощрял его интерес — он был мне на руку.

Заглянув утром тридцать третьего мюона на Верхний боевой ярус, я застал там вахтенных Кола Либера и Юла Импера, явно что-то не поделивших. Я хорошо знаю эту продувную бестию Либера, прошедшего за свои шесть сроков десантной службы огонь, воду и медные трубы. Он умен, даже слишком, цепок и наблюдателен, но эти добрые качества в его исполнении стано-

вятся опасным оружием — с ним надо быть всегда начеку. Похожий на сонного зимнего ужа, он превращается в кобру, стоит наступить ему на хвост. Когда он спит, я спокоен, но трезвого взгляда его не переносу — мне кажется, что я перед ним голый.

Юл Импер прибыл на ЛБ вместо списанного из Звездного Флота зистора Килл Овера, в прошлом отличного витаметриста. Импер показался мне довольно стандартным юношей с наивной тяготой к абсолютным критериям. Но в нем была чистота незаполненного телеграфного бланка, и я постарался растравить его природную любознательность двухчасовой лекцией о супрах. Если бы вместо этого я присмотрелся к своей Свирепой империи...

Итак, Кол Либер бессовестно дрых, выкатив в пространство мутные похмельные глаза, я разливался соловьем перед желторотым цыпленком, который слушал меня, обалдело открыв рот. Тем временем атмосфера в Свирепой империи накалялась в буквальном смысле.

Когда Импер прервал мои разглагольствования воплем «Док, они взбесились!», я увидел сквозь защитные фильтры бинокularов атомное пламя, рвущееся из грушевидных столбов черного дыма, и тяжелые шеренги супров, палящих куда попало. Потом пальба внезапно прекратилась, а перемещение ускорилось — я уже не мог сомневаться: супры выстраивались латинской «у»!

Я знал, что будет за этим построением, я чувствовал, что шаги моего великого мига уже рядом, но почему вместо того, чтобы собраться, обдумать все, как следует, я позвонил Морту Ирису и вызвал Энцела со свитой? Меня словно преследовало какое-то наваждение, род гипноза, заставляющий сначала делать, а потом думать. Я был как под наркотиком: все видел, но ничего не понимал.

Нерон появился почти одновременно с Энцелом. Судя по раскаленным соплам, он шел изда-лека. И он был один. Клеопатра исчезла.

И только тут я начал догадываться, что перзрелая вакханка Природа снова наставила мне рога. То, что казалось самоубийством, на деле было чем-то другим, чему еще нет названия в словарях. Боюсь, что Сент Энцел обиделся на меня: я отвечал не очень учтиво на его неуместные вопросы, а то и вовсе пропускал их мимо ушей. Я хотел выступить перед ним режиссером спектакля, но спектакль вышел из-под контроля, и мне оставалось быть вместе с другими смятенным зрителем, не ведающим финала.

Между тем события развивались.

Нерон был самым старым самцом, если можно говорить о старости в этом нстарейшем мире. По мощи вооружения он превосходил всех, дымчатые плиты защитных полей могли выдержать натиск всей Империи. Не снижая хода, он ворвался в строй своих подданных разгневанным богом — богом грома и смерти. Строй медленно замкнулся вокруг императора, и теперь он метался в плотном кольце, обрушивал то на одного, то на другого смертоносный шквал.

— Кажется, дорогой Сим, уместнее говорить

об убийстве, чем о самоубийстве, — прошамкал Энцил, и члены Совета согласно закивали.

Он был неправ. Ни один супр не отвечал контратаками на выпады Нерона. Самки — а Нерон почему-то атаковал именно их — без единого залпа освобождали путь повелителю, и он пронеслся мимо, временами вырываясь из кольца и снова в него возвращаясь.

Я пытался объяснить поведение супров и не мог. По-видимому, произошла семейная драма. Клеопатра покинула свирепую Империю и прикнула к другому клану, несмотря на все попытки Нерона вернуть ее. Но — почему? Способности Нерона к продолжению рода не вызвали никакого сомнения — так что же еще ей было нужно?

И что нужно сейчас Нерону от самок Империи? Среди них есть особи, превосходящие Клеопатру по своим физическим данным, и любая из них предоставила бы себя императору с готовностью. Но Нерон мечется среди них и будет метаться все неистовей, пока неведомый жар не испепелит стенки энергетических плоскостей — тогда гигант замрет навеки. Клан скрется за горизонтом, а мертвое тело вождя будет игрушкой ночных ураганов, медленно растворяясь в теплом океане, породившем его.

— Жаль, что из-за дыма плохо видно, что происходит в кольце...

В голосе Энцила я уловил вежливую просьбу и не сумел отказать себе в удовольствии обратиться к Морту Ирису, который стоял за нашими спинами с видом санитаря в доме сумасшедших.

— Консул-капитан, нельзя ли подойти поближе к супрам и еще немного снизиться?

Этот лохотный служака даже бровью не повел, только ручкой под козырек сделал.

— Это официальное разрешение цид-биолога?

— Да.

Теперь мы были почти рядом с хороводом супров. Нерон по-прежнему безумствовал, и хотя сквозь стены нашей «Летающей тарелки» не проходили звуки, по вибрации и покачиваниям тяжелой махины можно было догадаться, какой силы ударные волны гуляют вокруг.

Никто — ни я, ни Морт, ни вахтенные — не вспомнили тогда, что вместе с нами за супрами следят еще одни существа — наши машины, наши компьютеры, способные сопоставлять и действовать, но не способные сомневаться. И что в их прямолинейный мозг заложена программа «зеркала», обязывающая отвечать на удар равноценным ударом.

Они сами напомнили о себе. Нерон неожиданно развернулся и атаковал грузную самку, дрейфовавшую километрах в двух по нашему курсу. Самка довольно ловко увернулась, и несколько боеголовок, предназначенных ей, угодили в ЛБ.

Машины сработали отлично — дрожь ответного залпа совпала с толчками от взрыва нероновых снарядов.

Так мы вступили в игру. Застыл пораженный Нерон, застыл растерянный хоровод его подданных, застыли мы у смотровых ниш, обоснованно ожидая самого худшего.

А потом Нерон бросился на ЛБ.

Стены Верхнего яруса ходили ходуном, обзорные окранны вспыхивали языками пламени, компьютеры выплывали на приборные щиты цифры принятой и посланной разящей энергии. И Морт Ирис на мостике отдавал команды с каким-то особым машинным шиком — у него даже щеки порозовели. Он ожил, как оживает старый аппарат, который наконец включен.

Мы отступали со всей скоростью, на которую были способны. Но Нерон оказался проворнее нас. Он настигал станцию, и его удары становились все ощутимее. А наши удары наносили ему столько же вреда, сколько комаринные укусы — бегемоту. Сенту Энцилу стало дурно, его личный врач захопотал, меряя то пульс, то давление.

— Что делать, цид-биолог Сим Бибиоз?

— Идите вы к черту, Морт, — зарорал я, терея самообладание. — Откуда я знаю, что делать? Я биолог, а не убийца, это ваша профессия убивать, вот и убивайте этого бешеного кродила!

— Вы — цид-биолог, Сим Бибиоз.

— Катитесь вы со своими должностными инструкциями и Уставом! Нашли время! Я ученый, а вы солдат — ищите выход сами, а за меня прошу не цепляться!

Нашу неуместную и некрасивую перебранку прервал голос, звенящий от азарта.

— Консул-капитан, разрешите применить торпеду «ноль»!

Я уже успел отметить, что Морт Ирис, и без того надменный со всеми, Юла Импера просто не хотел замечать. Не удивлюсь, если слова, брошенные с капитанского мостика, были первыми словами капитана, обращенными к парню:

— Младший зистор Юл Импер, кто дал вам право обращаться ко мне без разрешения вашего командира зистора Кола Либерата?

Я видел, как вздулись на склеротической шее Морта гневные жилки, и добавил огня:

— Капитан, а ведь младший зистор, в отличие от вас, предлагает дело! Почему бы вам не использовать торпеду «ноль», специально для такой ситуации предназначенную?

Я поддержал салазюнка, чтобы позлить Морта — ни я, ни Морт, да и никто на ЛБ не верил в спасительные ультраторпеды, все новыми и новыми модификациями которых нас регулярно пичкали. Ничто не могло убить супра — ничто, кроме загадочной силы, заключенной в нем самом.

Но Энцил принял нашу пикировку всерьез.

— А нельзя... — он попытался встать с кресла, но от нового толчка осел в пушистый пластик. — А нельзя... придумать что-либо другое... Я думаю... торпеды не проходили испытаний... Нет ли другого выхода?

— Если цид-биолог Бибиоз... — начал было Морт, но я отрезал:

— Нет. Другого выхода нет. Но есть возможность испытать торпеды «ноль», ибо по случайной случайности у нас на борту находятся как раз три члена Международного Совета Космонавтики...

Мне было смешно и горько видеть эти дрожащие старческие руки, воздетые в пародийном

жесте академического голосования — хорошо, что они устроили открытое, а не тайное действо! — когда База содрогалась и раскачивалась от взрывов.

Все три члена МСК были «за». Энциел поднял руку последним.

— Действуйте, консул-капитан, — сказал я Мортю. — Вы спрашивали, что делать — вам ответили. Вы ждали разрешения — вы его получили. Что же вы медлите?

— Эх вы, цид-биолог, — проговорил Морт сквозь зубы. — Ничего вы не понимаете и не поймете. Вам никогда не приходилось применять оружие «ноль». А мне приходилось...

И уже другим — обычным своим, лишенным эмоций металлическим голосом консул-капитан скомаандовал:

— Зистор Кол Либер, приготовить к пуску торпеду «ноль!»

Мир вокруг по-прежнему дрожал и качался, свирепая морда Нерона заняла все экраны, и видно было, как в черных неподвижных шарах его фассетчатых глаз многократно отражается кружок Базы, опоясанный мерцающими звездами разрывов. А этот чертов Кол все медлил, наводил прищел, откидывался, закрывал глаза рукой — словом, ломал какую-то непонятную комедию.

— Зистор Либер, я не слышу отзыва.

— Консул-капитан, разрешите передать выстрел Юлу Имперу.

— Запрещаю!

— Но у меня что-то с глазами...

— Я приказал вам стрелять, зистор Либер! И не спрашивал о вашем самочувствии!

В это время по всей Базе тонко завывли сирены, а на всех пультах и дверных проемах зажглись огни общей тревоги. Через долю секунды пол станции мягко повело назад и в сторону, и по-заячьи заплакал звонок главного торпедного аппарата. Юл Импер не дожидаясь приказа, сорвал пломбу и нажал кнопку.

Торпеда, судя по светящейся трассе, угодила Нерону куда-то под левую энергетическую полость, рядом с центральным нервным стволом.

Я и сейчас глубоко убежден, что торпеда «ноль», привезенная Энциелом, ничем не отличалась от предыдущих модификаций. Во всякой другой ситуации она не причинила бы супругу ощутимого вреда. Но в тот момент игрою случая она подтолкнула события. То, что должно было случиться, случилось на минуту раньше. Нерон резко затормозил, описал круг на месте и стал тяжело заваливаться назад. Оглушительный вой прокатился по всем диапазонам СВЧ-связи. Его можно было бы назвать ликующим, если бы он не был криком смерти.

Вой оборвался. От супра повалил густой фиолетовый дым. Все было кончено.

Но вопль Нерона слышали не только мы. Трудно сказать, что уловили в нем подданные. И когда из фиолетового тумана, закрывшего горизонт, один за другим стали выдвигаться блестящие корпуса, нацеленные на нашу ЛБ, мы поняли, что все только начинается.

И началось...

Я, Морт Ирис, консул-капитан Летучей Базы номер тринадцать на планете Рубера, ненавижу военную форму. Ничто так не уродует душу и тело, как она. В ней я чувствую себя изгоем, отделенным от обычного мира. Я чувствую себя брошенным во власть понятий и законов, противоречащих здравому смыслу и здоровой психике. Форма физически давит меня, жжет, я ощущаю кожей ее грубость и непрекращаемый стандарт покроя. Только поздним вечером, одевая пижаму, я снова обретаю себя, способность мыслить, сомневаться, плакать и смеяться. По ночам я читаю свои любимые книги — нет, эти книги не принадлежат к разряду мировых шедевров. Это пухлые сентиментальные романы с длиннейшими описаниями, возвышенными монологами героев, идиллическими сценами и благополучными концами. И никакой крови, никакого оружия, никаких убийств, никакой войны. Я читаю много томные издания до самой побудки. Сплю я днем в кресле, мне надо немного: час — в полдень, два часа — после обеда, час — перед ужином. Все это знают, — не то, что я делаю ночью, а то, что сплю днем, — и никто в эти часы не смеет меня беспокоить.

Мое признание несказанно удивило бы подчиненных, а еще больше — высшее начальство. Они считают меня бездумным автоматом, сухарем и службистом, помешанным на Уставе и боевой технике. В какой-то мере они правы: что еще могло получиться из потомка восьми поколений кадровых военных, родившегося в полевом лазарете во время «электрической войны» в Агамах, в семь лет потерявшего сразу отца и мать во время «черного десанта» на Кору, в двенадцать кончившего спецшколу «белых волчат» в Спарате, в семнадцать — Высшую военную академию в Лигви, а с двадцати — кадрового офицера действующих и бездействующих армий?

Я прочитал как-то в историческом журнале об известном в старые времена маршале, который всю жизнь командовал кавалерийскими частями. У сына его было что-то вроде психического заболевания: он не переносил лошадей и всего, что как-то с ними связано, его мучило от запаха и вида конской сбруи, шпоры или нагайки вызывали судороги ног или рук. Если бы такая чудесная болезнь была у моего сына...

Однако всякий рассказ требует точности и последовательности, как и воинский доклад. Поэтому — по порядку и только факты.

Женился я рано и довольно романтическим образом — на девушке, которую спас из огня, медсестре наскочившего на мину неприятельского транспорта с ранеными. Вначале Сила Импер жила в моем подразделении на правах военного трофея, а после перемирия — уже на правах моей законной жены. Она была бесстрашна и вынослива, как мальчишка, и в кочевой солдатской жизни лучшей подруги нельзя было и желать. Мы очень хотели иметь детей, но понимали, что такая роскошь не для нас. Точнее, Сила так не считала, но я слишком хо-

рошо помнил свое детство, чтобы обдуманно возложить бремя на неповинное существо. Тогда даже нам было ясно, что должен прийти конец бессмысленной мясорубке, и Сила, после долгих уговоров и слез, согласилась подождать еще немного.

Наш час пробил. Когда постепенно улеглось заразителное безумие Последней Воины и был заключен Пакт Мира со всеобщим разоружением и роспуском государственных армий, мы, наконец, могли отдаться своей мечте. Я хотел девочку, Сила — мальчика. Родился мальчик. Но я не чувствовал себя ущемленным — напротив, я был нестерпимо, отчаянно, оскорбительно счастлив. Боюсь, что я вел себя не так, как подобает отцу — сын с первых дней признавал в доме только мать и слушался только ее, а меня воспринимал как очень большую и совершенно бесполезную игрушку. Штатская одежда наистоплила меня способности управлять и приказывать. Из всех возможных должностей и профессий я выбрал место помощника садовника в городском парке, не совсем честным путем устранив конкурента — школяра, бежавшего от знаний. За коробку печенья «Пески Марса» мой конкурент согласился быть моим начальником, и мы жили с ним душа в душу: он четыре раза в день хрустел песочным печеньем, а я возился с племенем садовых машин, обучал их рыть, копать, стричь газоны, удобрять почву, срезать цветы для букетов и составлять сами букеты. Дарил букеты прохожим я самолично и, конечно же, каждый день приносил целую охапку домой.

Пока сын был маленьким, Сила проводила дни в хлопотах о нем, и на другое у нее не оставалось времени. Она радовалась цветам и умело украшала ими наши комнаты. Правда, уже тогда я с удивлением замечал, что некоторые ее букеты скорее напоминают боевые штандарты, а в комнате сына царит строгость военного порядка. Замечал я и то, что сын все чаще в наших играх заставляет меня строить, а сам разрушает. Какие мелочи! Я был счастлив и доволен всем и по наивности думал, что все вокруг довольно и счастливы.

Когда маленький Юл пошел в школу, Сила заскучала. У нее появилось время для раздумий, и она воспользовалась им в полной мере. Пять лет протекли, как сон. Наступило пробуждение.

Сила была натурой самоотверженной и властобивой. Последняя черта отличала ее от моего небрежного общественным положением. Я, как наследный принц, тяготился обязанностью повелевать, ибо кровь восьми поколений высших командиров исчерпала на мне весь запас положенного честолюбия. Сила, напротив, только в моей командирской палатке попробовала отраву вынужденной покорности окружающих, беспрекословного повиновения по долгу службы. В мирные дни она лишилась трона, у нее не было своей профессии и работы, следовательно, общественная значимость равнялась нулю. И я не мог теперь быть ее щитом, ее державой, ее знаменем — я не был героем, славу которого по

праву она могла считать своей. Я был чудачком, городским казусом, чуть ли не шутом гороховым, над которым открыто посмеиваются соседи и у которого нет желания возмутиться этим.

Счастье кончилось. Начались скандалы. Многодневные, изнурительные, изматывающие, как неприятельская осада. И самое худшее — истерики Силы чаще находили поддержку Юла. Может быть, в школе ему приходилось слышать колкости в мой адрес, может быть, мать была для него неоспоримым авторитетом, но его молчаливый укор ранил меня сильнее, чем бессвязная демагогия жены. Я теперь не спешил домой из парка, я старался найти себе дело в цветочных джунглях и порой задерживался там до самой ночи, теряясь и забываясь в нарядной молодой толпе, среди полуосвещенных лиц и безадресных улыбок, среди музыки и смеха, среди беззлобных розыгрышей и громогласных аттракционов. Я только по-прежнему не выносил фейерверков. Это бессмысленное торжество огня, шипение взлетающих ракет, запах пороха и гари действовали на меня, как красная тряпка на раненого быка.

А дома меня ждали темные окна, комваты, где притворяются спящими, остывший ужин, накрытый салфеткой, и мертвая, враждебная, пригибающая к полу тишина.

Так продолжалось три с лишним года. Однажды я, не выдержав, посоветовал жене самой добиваться того высокого положения, на которое она благославляла меня. Я очень подробно и, на мой взгляд, убедительно объяснил ей, что существующее положение вещей меня вполне устраивает и я не намерен его менять. Сомнительное удовольствие — заставлять людей делать то, что им не хочется.

Вопреки обыкновения Сила выслушала меня до конца, а потом сказала спокойно:

— Да, Морт, ты действительно мертвый. Я выходила замуж за героя, а он оказался манекеном в военной форме. Жаль, но ничего не поделаешь. Придется пойти по другому маршруту.

Так Сила Ирис снова стала Силой Импер, а сын принял ее девичью фамилию. Они вычеркнули меня из своей жизни, и я надолго потерял их след.

Но я не был мертвым. Я бы, наверное, сошел с ума или опустился, если бы не мой начальник с его неистощимой любовью* к печенью «Пески Марса». Я взял его к себе в опустевший дом. Родители с неприличной готовностью передоверили мне свои права. В долгие зимние ночи, когда пустой парк завален снегом, а мороз бесстрастно скребется в широкие стекла оранжерей, я читал ему пухлые сентиментальные романы, и мы оба плакали над монологом несчастного путника, застигнутого метелью в безлюдной степи.

Нет, он не стал великим человеком, мой добрый лентяй с большими ушами, вечно пылающими, как петушиные гребни. Он так и остался садоводом, но занимался теперь не цветами, а яблоками. Год назад он прислал мне на Руберу посылку — яблоки собственной селекции. Свой

сорт он назвал «Морт Ирис». Яблоки чудесно дошли. Они неказисты на вид, у них толстая кожура, но сердцевина очень мягкая и сладкая. Мне показалось, что по вкусу они напоминают песочное печенье...

Так я жил, застыв в своем горе и взаимно деля потребность в ласке с мальчишкой, чужим мне по крови, но близким по духу. До той самой поры, пока органы массовой информации не начали склонять вопрос «о возможной инопланетной угрозе» и «необходимости создания международной оборонительной армии».

Думаю, что вопрос этот искусственно раздували кадровые военные, оставшиеся не у дел в годы мира. Их не устраивало новое, более чем скромное положение. Во всяком случае, именно к тем дням относится неожиданный визит одного моего бывшего сослуживца, работавшего на каком-то складе. Он долго предавался воспоминаниям о «добрых старых временах», потом перешел к Глубокому космосу и таящимся там ужасам. Я поддерживал разговор неохотно — «добрые старые времена» были для меня, перенесшего пять тяжелых ранений и три контузии, не очень добрыми, космос со всеми его ангелами и демонами трогал мало. Но когда мой знакомый намекнул на «восстание из пепла» и «поруганные человеческие доблести», я насторожился. Коллега, ободренный вниманием, в туманных выражениях поведал о существовании целой подпольной организации бывших офицеров и явно приглашал присоединиться к ней. Зная поразительную способность военных видеть не то, что есть, а то, что хочется, думаю, что подпольная организация существовала в пустующей черепной коробке бывшего полковника, но что касается защитников идеи «оборонительной армии», то среди их фамилий я слышал очень много знакомых.

Я ожидал услышать в этом хоре голос Силы и не ошибся: за ее подписью появились две трескучие статьи «Матери требуют защиты» и «Слово к невестам», где со своей жестокой непоследовательностью женской логики смешались в кучу наивность и холодный расчет, убежденность и отсутствие доказательств.

Я пытался узнать через редакцию ее адрес. Все мои три письма остались без ответа.

Было бы логично, если бы я стал в ряды активных пацифистов. Но штатский костюм лишил меня и этой возможности — я избегал многолюдных митингов, стеснялся выступать по телевидению, страшился печатного слова. Я только выращивал еще больше цветов и еще щедрее дарил их. Но цветы не помогли. Пакт о создании войск ЗОА — Звездной Оборонительной Армии — был принят.

Скоро на улицах снова появились военные. Теперь у них была новая форма, новые звания и новый устав. Все остальное осталось прежним.

Я снова переживал кризис, более глубокий, чем первый. Мой милый друг ничем не мог помочь мне — он не знал, что такое смерть оптом и чем пахнут окопы после боя. Он пошел из солидарности со мной на высшую доступную ему жертву — отказался от «Песков Марса».

Кончилось все тем, что я получил письмо от сына — единственное в моей жизни. Оно было написано тайком от матери. Это сумбурное послание я храню как талисман — оно примирило меня с нашей планетой и одновременно ожесточило.

В нем была исповедь. Сын, оказывается, всем своим еще не очерстевшим сердцем жалел меня, жалел мою «загубленную жизнь». В странной исповеди была вся демагогия материнского тщеславия, но было и нечто, заставившее Юла утайть свой поступок. Сын жаждал всегалактической справедливости и всепланетного добра, не понимал, что подлость и справедливость, зло и добро — понятия, рожденные на Гее и лишь для Геи пригодные. Тем не менее он хотел немедленного, насильственного воцарения этих понятий во всей доступной Вселенной, снова забывая, что насильственное добро — самое тягчайшее из зол. Единственным инструментом для своих целей он считал армию. Я не мог, не имел права оставить это заблуждение в силе. Я командовал в свое время тысячами таких вот преданных идее юнцов, и я знаю, какие безмерные гнусности порой совершались их чистыми руками, какую мерзость защищали они своими чистыми сердцами.

У меня был один путь борьбы — снова надеть мундир. Только мундир мог вернуть мне ту силу, которая взорвет изнутри очарованное царство Устава и спасет моего мальчика.

Так я оказался на Рубере — на той самой Рубере, название которой так часто мелькало в газетных статьях, призывающих усилить оборону Геи.

Армия — особый мир, где обычные нормы и методы бессильны. Но я этот мир знал, как свою собственную биографию, и поэтому действовал безнаказанно и не вызывая подозрений. Рядовые терпеть меня не могли и величали Мортирой, младшие чины старались мне подражать, старшие завидовали и боялись, а высшее начальство пребывало в довольстве.

Я ждал сына на Рубере, уверенный, что нам не разминуться, и дождался его. Но об этом позже.

Из всего личного состава я чувствовал определенную симпатию к зистору Либеру. Он привлекал меня своей крепкой и гибкой костью — такого не сжуешь за раз. Армию он знал так же хорошо, как и я, так же, как и я, не был приспособлен к мирной работе, так же, как и я, боролся с жертвами ветряных мельниц доступными ему приемами. Вся разница состояла в том, что он делал это ради собственной персоны, а я — ради моего мальчика.

Вряд ли Кол Либер догадывался об этой симпатии: я ревностно следил за ним и строго карал каждый промах, поддерживал его тонус, как у беговой лошади — хлыстом.

Был на Базе еще один человек, перед которым я едва не раскрылся и который дал мне хороший урок сохранения тонуса, как я — зистору Либеру. Он показался мне несправимым чудачком, влюбленным в науку, ученым той редкой породы, который не замечает во что одет — бы-

ли бы под руками его любимые игрушки. Я недоверчив и поэтому устроил ему не один строгий экзамен, прежде чем довериться. Сим Бибиоз выдержал их на «отлично».

Я стал даже подумывать, что не совсем прав в своем апостольском рвении сломать армию изнутри, что под руководством сугубо штатских людей науки она постепенно потеряет свое разрушительное жало.

Я все больше и больше передоверял цид-биологу функции управления базой, одновременно пытаюсь сблизиться с ним духовно, мне бы так необходим если не союзник, то хотя бы нейтрал, перед которым можно выговориться в трудную минуту.

Но Бибиоз принимал мои подачки чуточку поспешнее, чем делал бы человек, за которого он себя выдавал. Это насторожило меня — интуицией почувствовал я крупного игрока, сдающего крапленую колоду. Но подозрения еще не есть доказательство — они могут быть вызваны перенапряжением души, уставшим мозгом, заселяющим реальный мир угрожающими фантомами.

Требовалось время, чтобы раскусить и обезвредить Бибиоза. Жаль, что этого не случилось. День тридцать третьего мюона заставил Сима раскрыться раньше, чем я подготовился к атаке.

Ох, это тридцать третье мюона...

Скоро мы оба предстанем перед военным трибуналом — я и Юл, отец и сын. Юл — за то, что выстрелил без приказа, я — за то, что утаил сие обстоятельство в рапорте командованию. Это — дело рук Бибиоза, бесцельная месть неизвестно за что. Трибунал вряд ли грозит нам чем-либо серьезным — проступок невелик, Устав нарушен только формально.

Меня беспокоит другое. Как Юл вообще смог нажать красную кнопку? Даже если бы я приказал — как он смог?

События тридцать третьего мюона окончательно ожесточили меня, порвав последнюю паутинку надежды. Когда-то, в эпоху войн, говорили, что наука на службе армии — явление позорное и крайне опасное. Один день тридцать третьего мюона на планете Рубера показал, что армия на службе науки — явление не менее позорное и не менее опасное. Армия может диктовать условия, решать вопросы она не в состоянии. Вопросы решает жизнь, а не смерть.

Мне остается добавить к моей исповеди немного. Ничто уж не изменит того, что случилось. Но на Рубере осталось больше половины Летуних Баз, которые не вышли на орбиту после сигнала общего отступления. Мы не знаем, что с ними. Я вправе предполагать худшее.

Комиссия, которая проверяла состояние дел на Рубере и трое суток провела на моей Базе, состояла из трех членов МСК и двух генералов войск ЗОА. Общее руководство осуществлял кварт-секретарь Лиги Старейших Сент Энцел. Ученые, в основном, имели дело с Симом Бибиозом, генералы — со мной. Генералы были довольны, «добрые старые порядки» на ЛБ-13 пришлись им по душе, а мелкие погрешности вроде подпольного пьянства Овера Кнля стали тем необходимым объектом для критики, без которой

можно было бы усомниться в целесообразности генерального инспектирования.

Утром тридцать третьего мюона мы все собрались вместе в моей рабочей каюте для подведения окончательных итогов.

Энцел в общих чертах одобрил работу Бибиоза и мой, как он выразился, «обнадеживающий контакт» с цид-биологом. Но и он, видимо, что-то приметил, ибо долго и настойчиво повторял, что мы не должны идти дальше системы «зеркала», пытаться навязать супрам более тесный контакт. И ни при каких обстоятельствах не употреблять торпеду «ноль». Он так и сказал — ни при каких, не зная того, что через два часа сам нарушит свое категорическое указание...

Я согласился с Энцелом с великим облегчением и готовностью, генералы, хотя пока и помалкивали, но были явно другого мнения. Совсем недавно один из них сетовал на то, что у них нет данных об эффективности ультраторпед и что это затрудняет им работу: они не могут рассчитать, сколько торпед понадобится, скажем, для «подавления агрессивной среды» средней по величине планеты.

— Нам не дают развернуться, Морт, — говорил генерал. — Нам не дают достойного оружия, не дают испытывать то, что есть. Штатские сентименты...

Я слушал его и всеми силами старался отогнать от себя видение Кис-Тауры, кошмара моих снов, долины, которая стала адом после меня. Тогда я, молоденький лейтенант особой группы, нажал красную кнопку какого-то «оружия-ноль» — до сих пор не знаю толком, что это было...

Наставления Сента Энцела прервал Бибиоз своим звонком с Верхнего боевого яруса — и мы стали действующими лицами трагедии.

Мое толкование происшедшего людям авторитетным кажется, вероятно, ребяческим. Я дилетант в науке. Но я лучше, чем кто-либо, знаю и понимаю психологию войны. А если считать супра живой военной машиной, то и психология у него должна быть соответствующей.

Не буду гадать как — не мое это дело, — но супры добились всеобщего благополучия на основе равенства сил, обоюдной неузависимости и персонального бессмертия. Вначале все было хорошо, а потом громовержцам стало скучно: дым древних битв тревожил их сон. Они попробовали снова палить друг в друга, но толку от этого занятия было мало — неуязвимый и бессмертный сосед воспринимал потасовку, как приглашение к приятным воспоминаниям, как нежданный подарок. Мало-помалу взаимная перестрелка стала чем-то вроде приветствия, данью уважения, знаком внимания и любви. Всаживая в бока своих друзей атомные заряды, воспитанный супр словно желал им недостижимого блаженства — смерти в бою.

Да, высшей мечтой, неоценимым благом для бессмертного супра, измученного скукой, была смерть! Цель всего существования — смерть!

Герон, потеряв Клеопатру, потерял вместе с ней и уважение подданных. Он потерпел поражение, а к побежденному в свирепой Империи

не могло быть иного отношения, кроме презрения. И поэтому Империя встретила обреченного молчанием.

Нерон не нападал, паля изо всех орудий, он умолял о прощении, умолял о смерти и понимал, что никто не выйдет с ним на бой. И никто не спасет от позора. Ему оставался один путь...

Но спасение пришло. Моя прямолинейная фантазия не в силах представить, чем или кем выделась супрам наша ЛБ — то ли хорошо воспринятым привидением, то ли дефектным супренком. Могут только утверждать, что когда на безнадёжную мольбу Нерона грянул ответный залп, наша герметическая сковородка оказалась низложенному императору прекрасным ангелом. И он обрушил на нее всю силу своей благодарности.

Все мы, ученые и профаны, мудры задним умом. Приди ко мне озарение тогда, на капитанском мостике, я бы, возможно, действовал по-другому. И то сомнительно. Ведь я не супр, и мне не улыбалась возможность стать радиоактивным облачком на чужой планете. И рядом со мной сидел мой мальчик, ради спасения которого я готов был забыть все писанные и неписанные законы и разгромить половину Вселенной для устрашения другой.

И если я все-таки медлил с приказом пустить торпеду «ноль», то не из-за моральных колебаний, а потому, что со школьной скамьи помнил закон природы о действии, на которое рано или поздно отвечают столь же внушительным противодействием.

Когда смертельно раненый Нерон, твоя от счастья, завалился набок, я выключился на минутку. Все восемь поколений храбрых убийц проснулись во мне. Артиллерия и ракеты добывали супра по всем правилам военного искусства, и я был вдохновенным дирижером этого мерзкого концерта.

Я опомнился только тогда, когда из фиолетового тумана показалось множество супров, ведущих прицельный огонь по нашей Базе.

Бой был неравным. Если мы еще могли потягаться с одним-двумя супрами в мощности огня, то по оборонительным достоинствам любое из этих существ превосходило нас на много. А главное — мы проигрывали в скорости, так как конструкторы не рассчитывали на необходимость быстрых горизонтальных перемещений станции. Вертикальный взлет был нам заказан — супры снизу продырявили бы нас в несколько секунд.

Короче говоря, через десять минут после начала батальи супры взяли ЛБ в кольцо, прижали к самой поверхности океана и расстреливали в упор, как захмелевшие охотники затравленного волчка.

Естественно, я попытался вызвать подмогу. Связь работала плохо, ядерные взрывы сильно ионизировали воздух. Радисту все-таки удалось нащупать несколько соседних Баз. С восьмой и пятнадцатой Базы не было изображения, нам прокричали только, что «супры восстали» и что «чертовы торпеды только подлили масла в огонь». ЛБ-6, видимо, пыталась уйти на орбиту, но получила пробойну в машинное отделение:

там бушевал пожар, капитану было не до нас. Девятнадцатая ЛБ успела взлететь и находилась теперь в относительной безопасности, но и она не могла ничем помочь нам, кроме искренних пожеланий как-либо выкрутиться.

С согласия Сента Энцела и остальных членов Совета при молчаливом нейтралитете генералов я дал аварийный сигнал покинуть планету всем ЛБ, находящимся на Рубере. Ясно было, что империи супров как-то общаются друг с другом, и мятеж принял глобальный масштаб. Супры ищут ЛБ и нападают на них, требуя смерти для своих уставших от бесцельного долголетия особ. А у каждой ЛБ — всего одна торпеда «ноль». И еще не известно, сработает она или нет. Да и в торпедах ли дело.

Снаряды супров делали свое дело. Саперы едва успевали заваривать трещины в бронеобшивке. Зенитчики пытались сдержать рой самонаводящихся боеголовок лазерными веерами, но пользы от них было столько же, сколько от японского веера на комарином болоте. Глоб-ракетчики пробовали ослепить ближайших супров залпами прямой наводкой. Атакующие фаланги на время теряли прицел, но и бесприцельного огня было достаточно, чтобы запечь нас в собственном соку.

База была обречена. База умирала. Я мог только продлить агонию, маневрируя в смыкающемся кольце так, чтобы часть огня через наши головы мятежники обрушивали друг на друга.

Первым не выдержал шестой ярус. Взрыв повредил створы входного шлюза, нарушив герметизацию станции. Автоматика перекрыла переходный тоннель, отрезав нас от пораженной зоны. Мы видели на экранах, как гибнут товарищи в клубах коричневого газа. Впрочем, смерть их была почти мгновенной — двенадцать секунд с четвертью по хронометру командного пульта.

Я мельком взглянул на Юла. Он оторвался от прицельного сектора и смотрел в потолок, словно прощался с кем-то в космической бездонности. С кем? Может быть, с матерью, пославшей его в этот ад? Или просто со всем, что остается жить после нас?

Наши глаза встретились. Юл покраснел и снова наклонился к прицелу. Я уставился в потолок, словно впервые увидел его обводы, зеркально повторяющие обводы пола.

Мне пришла в голову идея — опасная идея, но выбирать не приходилось. Я дал команду прекратить огонь.

4

Я, Юл Импер, младший зистор Десантной службы войск ЗОА, хотел рассказать многое и о многом, но сейчас все это не имеет уже значения. Я помирился с Юной, Юна со мной, Юна любит меня — разве может что-нибудь погасить это счастье, разве может кто-нибудь омрачить нашу близость?

Я с радостью жду трибунала — я надеюсь, что меня выгонят из армии раньше, чем кончит-

ся первый срок службы. Мне, правда, немного жаль отца — по моей вине его военной карьере будет нанесен ощутимый удар, а для иной карьеры он уже не годится. Но пусть он лучше перебивается своими цветами, как раньше, чем пресыщаться безнаказанностью и вынужденным почитанием в отвратительном образе Мортиры, которого довелось мне узнать на ЛБ-13.

Он настолько очерствел и отупел на своей бронированной посудине, что даже не узнал меня сразу, когда я прилетел на Руберу. Я его тоже не узнал — с детских лет у меня оставалась память о длинном худом человеке, похожем на бродячую мачту, отставшую от своего корабля. Мачта пахла розами и травой, у нее были теплые ладони, нерасторопные и неуверенные, как слепые котята. Лица я почти не помнил — оно было слишком высоко для меня, да и не особенно меня интересовало.

На Летающей Базе я увидел прежде всего лицо — высушенное лицо мумии, на котором застыла гримаса недовольства. Это были черты власти, лишённые эмоций и желаний, черты Устава, высеченные вместе с черепом из одного каменного бруса. И глаза были неживые, каменные, как у парадных гранитных бюстов.

— Смотри поверх головы, — шепнул мне Кол Либер. — От его взгляда лица портится... Минимум три дня будешь запором мучиться...

Но я не мог оторваться от Морта Ириса, как воробей от подползающего птицесда. Если бы я встретил на Рубере второго Юла Импера, и то удивился бы меньше. Мать всегда говорила об отце презрительно, называла его дегенератом, мямлей и трусом. Мои детские наблюдения как будто подтверждали это — он боялся матери, на которую даже я покрикивал, боялся фейерверков, которых не боялись даже грудные дети, вздрагивал от видеофонных звонков, не мог пить томатный сок, потому что он похож на кровь. И даже свои любимые букеты выбрасывал, если туда попадала багряная гвоздика или алый мак. Он боялся кошек, собак, пауков, тараканов, но испытывал странную слабость к мышам.

И вот этот блаженнейкий, нескладный высохший человечек — на Рубере, где нет иного цвета, кроме цвета крови, на Рубере, где нет иных животных, кроме всеограшающих супров, на Рубере он — в военной форме, он — мой командир, мой мозг и мой суд, мой хранитель и повелитель.

Первую ночь на ЛБ я провел в штрафном отсеке: поразмыслив, я вынужден был признать, что плохо знал отца. О нашем родстве никто не догадывался, у нас были разные фамилии, а Морт даже не соизволил заговорить со мной. Видно, он вырвал из сердца не только Силу, но и меня.

Проще всего было попроситься на другую Базу, но для этого надо было выдвинуть какие-то аргументы. Аргументов у меня не было. Я тоже не хотел выдавать своего родства с Мортирой — мне было стыдно.

Я проклинал судьбу, забросившую меня на Руберу, проклинал себя и всех, кто меня сде-

лал таким, но от моих проклятий ничего не менялось. Только Кол Либер начал отпускать всякого рода сальности и советовал обратиться за помощью к доктору Симу Бибиозу.

Дружбы с Колом у нас не получилось. Он своему честен и чуток, ему можно довериться без риска, но он не из тех людей, кому приятно доверить сокровенное. Либер — скептик, он счастлив потому, что намеренно сузил свои потребности до какого-то полурастительного минимума. Этот минимум он находит везде, куда бы ни бросал его случай, а потому ему везде хорошо и уютно. Обижаться на его выпады бессмысленно, но согласиться с ними — значит предать себя.

А вот с отцом я еще не разобрался. Очень он странный, неправильный, неуловимый какой-то. Я уже говорил, что в детстве не мог разглядеть его лица — отец казался мне невероятно высоким. Сейчас я сам на голову выше Морта, но настоящего его лица увидеть не могу. Порой мне кажется, как в детстве, что оно слишком высоко для меня — и я терзаюсь муками совести. Порой мне кажется, что лица у Морта нет, что маска власти и есть его настоящая суть — и тогда я ненавижу отца.

Впервые после Руберы мы встретились с ним в стеклопластовом восьмиграннике Верховной Ставки ЗОА. Нас вызвали туда по доносу Бибиоза. Кол Либер под большим секретом сказал мне, что цид-биолог обвиняет во всем, что случилось, Мортиру, собирается устроить ему «легкий насморк» и предлагает соучастие в «неофициальном рапорте». При всем своем хорошем отношении к доктору Бибиозу и весьма прохладном к Морту, я, тем не менее, посчитал подлостью такой поступок. Ведь именно Морт спас ЛБ от неминуемой гибели. Кол выслушал меня, пожал плечами и бросил, уходя, в обычной своей манере: «Странно... Оказывается, на Гее еще умеют делать хороших парней...»

И вот мы сидели с Мортом один в большом пустом зале, в который выходило много разноцветных дверей и к каждой вела ковровая дорожка своего цвета. Консул-капитан Морт Ирис курил. Мой отец, насколько я помню, терпеть не мог табака — он убивал запах цветов.

— Вы живете вдвоем с матерью?

Ни привета, ни эмоций по поводу встречи, естественных после стольких лет разлуки, нет, спокойный голос, каменные черты, ноги вытянуты под столом, чтобы не затупилась острая складка на парадных брюках.

— Нет, я живу отдельно.

Я ждал и боялся вопроса «почему», ибо тогда придется рассказать о Юне и о нашем разрыве с матерью, но Морт спросил другое:

— Ты хотел убивать того супра?

Я даже не понял вначале, о чем он говорит, но поняв, ответил честно:

— Не знаю. Наверное, нет. Я очень хотел вырвать Базу.

— Совершить подвиг?

— Может быть...

— Чтобы все восхищались тобой и благодарили тебя?

Я промолчал. Что я мог ответить? Он все равно ничего бы не понял. Электронный диагност может точно определить болезнь, но неспособен вычлнить — у него вместо сердца коммутатор.

Да, но ведь именно Морт спас ЛБ...

— Они будут загугивать тебя, но ты не бойся. Тверди, что ослышался. И не философствуй. Им нужен козел отпущения. Но у них нет, за что уцепиться...

Он говорил так, словно между нами и теми, кто скрывался за бронированными дверями, лежала бездонная трещина. Он, служака, по кличке «Мортира», пронизил «они», как пронзает тяжкое ругательное слово.

Кто же ты, отец?

Я снова задыхался от ненависти и отвращения к креслу стрелка, и снова концентрические круги прицела накрывали забрызганные красной пеной, чадающие туши супров, и снова пальцы отчаянно давили гашетку. Я снова слышал ставленный крик: «Шестой ярус... Шлюз... Воздух...» — и видел, как металась в западне люди в серебристых комбинезонах Звездных Десантников, как хватались они за горло, падали, корчились и замирали, а потом тела их непомерно раздувались и лопались, выбрасывая фонтаны черной крови. За эти двенадцать с четвертью секунд я умер, и родился заново, и прожил долгую-долгую жизнь до седых волос. Я впервые увидел себя со стороны и был поражен своей самонадеянностью и эгоизмом, своим наивным верхоглядством и примитивным честолюбием. Я хотел, как бывало, дать себе клятву исправиться как можно скорее и тут же оборвал себя — опять позерство, даже сейчас позерство, когда нас всех, и меня в том числе, ждет участь шестого яруса. Мне показалось, что уже не хватает воздуха, рванул ворот, оглянулся с ужасом на Кола — тот что-то жевал, откинувшись на спинку кресла.

Это было настолько нелепо и страшно — страшней, чем удушье, — что я истерически захихикал. Кол вытер губы рукавом.

— Не тарашись... Не успел... Не успел позавтракать. С утра нет аппетита. Захватил бутерброд, а тут... Не пропадать же добру... Да и помрять на сытый желудок веселей...

Он ни в чем меня не обвинял, хитрый добрый Кол, но его слова я принял, как пощечину. Ведь это я виноват во всем, я убил супра и вызвал атаку, я хотел сделать лучше, а получилось хуже — ведь я не знал...

Я впервые пожалел, что нет бога с молниями мгновенной расплаты, и глянул на потолок, втайне надеясь, что карающий огонь все-таки есть и он испепелит меня на месте. И я встретил глаза, огромные, обведенные синевой, — это были глаза Морта, и мне почудилось в них презрение. Я снова припал к прицелу, но команда Морта опередила выстрел:

— Всем ярусам — прекратить огонь!

На мостике среди ученых и генералов произошло легкое замешательство. Доктор Бибиоз схватил отца за руку, но тот стряхнул его, как большого жирного паука.

— Все калибры правого борта — по подвод-

ной цели, прямо, прицел минус девяносто! Все калибры левого борта — по воздушной цели, прямо, прицел плюс девяносто!

— Правый борт — есть!

— Левый борт — есть!

Этот сумасбродный приказ выполнили только потому, что никто уже ничего не соображал среди воя аварийных сирен, треска гнущихся переборок, свиста компрессоров и неустанных, неотвратимых, жестоких ударов в бронешивку полурасплющенной Легучей Базы. Какая подводная цель? Какая воздушная цель? Супры были вокруг, смерть сжимала кольцо, но орудия покорно отворачивались от нее, бессмысленно упирались в пустое небо и в пустые глубины.

— Внимание! Всеми личному составу любимыми средствами закрепиться на месте! Сейчас полетим вверх ногами! Держитесь, ребята!

Полуразбитая ЛБ и спятивший командир! Разве так рисовали Миссию Разума рекламные проспекты ЗОА? Там серебристые полубоги уничтожали отвратительных чудовищ, вырубали хищные смертоносные леса, выжигали ползучие смердящие травы — и вышколенная, продезинфицированная, обезвреженная, умная и причисанная Природа, благодарно скуля, ложилась у ног всемогущих Звездных Десантников. Все эти сказки — ложь, ложь для доверчивых юнцов, вроде меня! Ее придумали те, кого эпоха приговорила к забвению — они не хотят быть забытыми, они согласны умереть, но умереть в славе и почете — супры, супры, безжалостные супры! — они забивают голову дешевой романтикой тем, кто не знает истинной цены живущему, живому, жизни, они тянут молодых за собой, в свою неизбежную смерть... И мой обезумевший отец — один из них, на нем серебристый панцирь лжи, он тайно счастлив и приготовил последнее издевательство над покорными ему людьми.

— Всем калибрам — огонь!

Мир в прицельном секторе встал на дыбы, и я почувствовал, что лезу вниз головой в облако холодного белого пламени — полет продолжался долго, нескончаемо долго, невероятный полет с остановившимся сердцем и неподвижной кровью, без удивления и страха, только откуда-то от солнечного сплетения растекалась по телу безотчетная щемящая тоска, и сквозь мозг, как сквозь густок тумана, проходили часы, годы, века... Может быть, я уже умер и растворился в океане протонита, и вернулся в жизнь бессмертным супром, и сейчас несу его бытие, не видя конца пути и не надеясь на конец, ничего не страшась и ни от чего не завися — только шорох часов, лет, столетий?

Очнулся я одним из первых, но стал связно соображать одним из последних. Картина была не для слабонервных. Все, кто находился в Верхнем ярусе, в самых неожиданных позах стояли, сидели и лежали на потолке. Я обнимал двухметровую люминесцентную лампу. Кол Либер с недодедным бутербродом в зубах ощупывал кресло на своей спине. Бибиоз, как Магомет, восставший из гроба, парил над сеткой вентиляционной шахты. Сент Энцел возлежал на плечах своего врача. Генералы пытались сохранить

достоинство, замерев по стойке «мирно», и сохранили бы его, если бы не одна маленькая деталь — оба стояли на головах. А в обзорных экранах, как в распахнутых окнах, белели любопытные звезды.

Кол Либер справился с креслом — оно осталось висеть в воздухе, — внимательно изучил окружающую обстановку и заговорил. Его монолог начался с шепота и состоял из одних бранных слов. По ходу дела голос его креп, а ругательства становились все сложнее и совершеннее. И кончился монолог без всякой логической связи криком: «Братва, ура Мортире! Качать Мортиру!»

Морт Ирис улыбнулся. Улыбался прямо мне в лицо...

Только на следующий день я взял в толк, что сделал отец в те критические минуты.

Все современные инопланетные станции, в том числе и станции типа ЛБ, по соображениям безопасности и надежности, работают в режиме АНГ—Автономной Нулевой Гравитации. Такой режим предполагает три независимых гравитационных системы — одна изолирует станцию от всех внешних сил тяготения, другая как бы привлекает гравитационным канатом к нужной планете, третья тянет в противоположную сторону, к Полярной звезде, к центру Галактики. Меняя напряженность двух последних систем, станция может плавно и безопасно для космонавтов перемещаться по вертикали. Так мы парили и над Руберой, так — и только так — могли уйти на орбиту в случае опасности.

Супры отрезали нам этот путь. Наше незащищенное дно с хрупкими выростами спасательных антигравов было для них детской мишенью.

Но Морт Ирис пошел на трюк: соединенные и противоположно направленные залпы правого и левого бортов одним ударом перевернули нашу «кастриюлю». Это произошло так быстро, что даже прославленная сверхреакция супров оказалась чересчур медленной: пока их снаряды летели в цель, сложившаяся тяга двух гравитационных систем рывком выбросила нас в космос, за пределы Руберы...

И я снова думаю — кто ты такой, отец? Этот фантастический взлет не записан в армейском Уставе или руководстве по выращиванию эдельвейсов. Надо было знать устройство станции, помнить инженерные параметры и физические формулы, надо четко оценивать, мгновенно сопоставлять, доверяться интуиции — словом, мыслить широко и раскованно, как мыслят люди истинно талантливые. Как это непохоже на тебя, на все, что ты делал до сих пор! Может быть, твоя жизнь — совсем не твоя, а подsunутая случаем, первая попавшая форма с чужого плеча, и твое истинное призвание осталось невостребованным в каптерке прижимистого интенданта?

Я не хочу жить так. Я не хочу носить чужую одежду.

Мне жалко мать. Я принадлежу ей независимо от своего желания — так же, как независимо от своего отношения принадлежу тебе. Но мать мне понятнее. Не знаю, как ты относишься

к ней сейчас — наверное, ненавидишь: говорят, неразделенная любовь перерастает в ненависть. Она тебя не любила. Не любит она и меня, хотя готова ради одного моего ласкового слова пойти на все. Мне кажется, она вообще неспособна любить, она способна только принимать любовь — и поэтому без чьей-либо любви, без поклонения, без славы начинает чахнуть.

Я прилетел на Гею в праздничный день, уверенный, что никому на планете нет до меня дела. Мать позвонила мне, едва я успел переступить порог своей нежилой квартиры. Она выглядела не старше Юны — то ли прошла курс гормональной косметики, то ли сделала пластическую операцию. Тон у нее был деловой, а голос звучал так, словно между нами никогда не было разлада.

— Ты не устал, Юл? Обнимаю тебя. Ты молодец. Ты хорошо сделал, что поступил в ЗОА. Это единственная дорога для современного парня, который не хочет быть дохликом. Посмотри газеты. Вся Гея говорит о тебе. Ты настоящий герой, Юл...

Я смотрел на нее с горькой иронией, но она продолжала тараторить:

— Телевидение хотело встречать тебя на космодроме. Я запретила. Тебе трудно сразу перейти из ясных устоев армии к сумбуру нашей штатской клоаки. Слава имеет свои права. Я буду оберегать тебя, пока ты не наберешься сил для воспоминаний. Ведь они прекрасны, не правда ли, Юл? Ответь мне без утайки — ведь нас только двое, ты можешь не опасаться любопытных ушей и глаз.

— Ты собираешься замуж?

Она подняла удивленные глаза и, заметив мою усмешку, быстро кивнула куда-то в сторону: я понял, что шла запись ее «беседы с сыном».

— Откуда ты взял? — теперь ее голос звучал натуральнее. — Если бы ты лучше меня помнил, то не говорил бы глупости. Замужество меня не прельщает. Мужчины в большинстве своем лентяи и трусы. А это... Это необходимость. В последнее время я плохо выгляжу на телестехах и в газетах. Теперь нам придется часто сниматься вместе. Ты же не хочешь, чтобы рядом с тобой красовалась дряхлая уродина?

Бедная Сила! Провалившись на амплуа жены героя, истомленная безвестностью, она теперь пыталась наверстать упущенное в роли матери героя.

— Я приду к тебе, Юл? Нам надо с тобой посоветоваться, припомнить кое-какие факты, я стала забывчива...

Я вспомнил прочитанную где-то брошюру о технике съемок через зашторенные окна и ответил поспешно:

— Я действительно устал, мама. Ты не звони. Я сам загляну к тебе. Так будет лучше...

Сила, как всегда, преувеличивала. У Геи были свои новости и свои проблемы. Обо мне писала только одна газета — орган войск ЗОА «Серебряный феникс». Печатное устройство информма выбросило на стол полосу с шапкой «Он убил супра» и моей фотографией четырехлетней давности из мамингого архива. С фото смотрел

на читателя молодой упитанный щенок с капризным узким подбородком.

Неужели я был таким всего четыре года назад?

В праздник Совершеннолетия мы с Юной решили сбежать ото всех за город куда-нибудь в дикое поле. Мы несколько раз меняли маршруты, чтобы сбить со следа возможных, а вернее — воображаемых преследователей. Была уже глубокая ночь, полутемные и пустые залы метро отзывались на наши шаги загадочным шепотом. Вызвав цитро-экспресс, мы долго не решались войти в его кабину, похожую на каплю ртути. Он забросил нас за сотню километров от дома, на горное плато, полное неуловимых ночных движений и доброго тепла от нагретого за день камня. Мы долго куда-то брели, спотыкаясь о корни и валуны, и Юна прижималась все теснее к моему боку и все чаще оглядывалась по сторонам. Безлюдье угнетало ее.

Мы вышли к обрыву, очерченному на слабо светящемся небе, и сели, обнявшись, прямо на теплую землю. Голова Юны сладкой тяжестью сковывала плечо. Мы не целовались. Просто наши губы были вместе и дышали вместе, и это было нужней всех поцелуев на свете.

Она заговорила, и мои губы послушно двинулись вместе с ее губами:

— Юл, я хочу, чтобы все эти звезды, все эти пространства, вся эта Вселенная была моей до самого последнего лучика. Чтобы она не была отдельно от меня, а во мне, чтобы она мной — чтобы она радовалась и грустила, смеялась и плакала, ждала и любила. Я хочу, чтобы она была живая, теплая, чтобы она росла во мне и становилась все ближе и лучше. Чтобы звезды не гасли, а горели все ярче, понимаешь?

Я не понимал и ответил, разбухая от гордости:

— Да. Я завоюю для тебя всю Вселенную. Я сниму все звезды и сложу в твой старый портфель. И повешу новые, в сто раз ярче, и на каждой напишу: «Юне от Юла». Я отшлифую каждый луч до блеска скальпеля и разрежу ими пространство на мелкие кусочки, чтобы ты могла играть ими, как детскими кубиками...

— Юл, я не хочу такой Вселенной. Даже от тебя. Больше всего — от тебя. Мне не нужны подписанные звезды и разрезанные пространства. Я не хочу, чтобы Вселенная покорялась. Я хочу, чтобы Вселенная не могла без меня жить, как я без нее, чтобы она по доброй воле вошла в меня и поселилась во мне.

— Хорошо, я приручу ее. Я одену ошейник на чудовищ и вырву жала у змеиных трав. Я выучу светила быть нежнее котенка, когда они прикасаются к тебе. Я сделаю Галактику доброй и покорной, как домашнее животное, и ты сможешь поселить ее в своей грудной клетке.

— Ты опять ничего не понял, Юл. Я не хочу прирученной Вселенной. Жизнь должна быть свободной и дикой, иначе она перестанет быть жизнью и превратится в имитацию. Я хочу, чтобы все оставалось, как есть — и было во мне, а я была для всего. Я хочу настоящего счастья, а не имитации.

— Я не могу понять тебя, Юна. Я не могу уловить, что именно ты называешь счастьем. Разве борьба и победа — не настоящее счастье, разве распространение разумного — не благородная задача, разве истребление зла умаляет свободу жизни?

Она отняла свои губы и долго молчала.

— Мне грустно, Юл. Иногда мне кажется, что мы чужие...

Ночь вокруг взорвалась бульканьем, греготанием, скрежетом, воем, хрюканьем. «Чужие! — шипело и жужжало со всех сторон. — Чужие! Чужие!»

Я закрыл Юну собой, схватил какой-то сук и включил фонарик. Луч вырвал из ночи мшистый валун, а на нем — хохочущих Сита и Молу, наших закадычных друзей. Десять фонариков заплесали вокруг, и мы оказались в кольце одноклассников — оказывается, все наши парни бежали с бала и в поисках единения, не сговариваясь, попали именно сюда. Мы пришли уже последними, и весь наш разговор был внимательно выслушан целым классом.

И теперь шутовский хоровод передразнивал нас и высмеивал, устроив гогочущий шабаш над обрывом.

— Я буду подметать Вселенную кометами! — вопил Кир.

— Не хочу-у, — ныла Ана. — Я хочу ее ам-ам, чтобы она буль-буль внутри меня...

— Я нарежу ее мелкими кусочками, полью слезами в маминую кастрюлю и сделаю для тебя гуляш из пустоты! — подхватывал Мол.

— Не хочу-у, — ныла Сана. — Вареные звезды — тьфу! Я хочу сырую Вселенную, чтобы она пик-пик внутри меня!

— Тогда я не понимаю, почему не ешь меня! — заходился Сит. — Разве я хуже какой-то залежалой Вселенной? Во мне сколько хочешь лишнего мяса, мой мозг стерилен и размягчен любовью! Я буду исправно пик-пик внутри тебя!

Я шагнул к Ситу и толкнул его в грудь. Но Сит был крепкий парень, он даже не покачнулся. И не перестал дурачиться.

— На колени! Все — на колени! Совершеннолетний Юл начинает приручать Вселенную! Я уже чувствую себя нежнее котенка!

Юна, вначале смутившаяся до слез, постепенно пришла в себя и скоро хохотала вместе со всеми. Я счител это предательством и сказал ей об этом. Она ответила: «Глупый!» — и продолжала смеяться, скакать и передразнивать сама себя. И она добавила обиду, держа за руки Молу и Сану:

— Юл, он правда нежнее котенка? Я могу поселить его в своей грудной клетке?

— Юна, пойдем домой.

— На мне еще нет ошейника, чтобы командовать мной! Мне весело здесь, и я останусь с ребятами!

— Хорошо, я уйду один...

Так мы поссорились с Юной, без которой вся моя жизнь — пустая трата времени. Я рассказал все матери, и она горячо поддержала меня, называя моих товарищей «скрытыми врагами» и «завистливыми тупицами». Но особенно напада-

ла на Юну; осыпая титулами «коварной лазутчицы», «провокаторши», «подлой интриганки» и «бессердечной бесстыдницы», пока я не заставил ее замолчать. Я давно замечал, что Сила органически не переносит Юну, толкая каждый ее поступок, как глубоко продуманную тайную диверсию... Все мои попытки восстановить объективную истину кончались целым потоком слез — «ты готов бросить мать ради этой коварной девчонки, которой ты совсем не нужен...»

Сейчас Сила торжествовала — ее предсказания сбылись, она все время предупреждала меня: ох, как доверчивы нынче парни!

— Все это сплошная чепуха, ты сама не веришь тому, что говоришь. Но помоги мне, ведь ты женщина и лучше понимаешь женскую душу. Юна иногда говорит непонятное. Она хочет, чтобы Вселенная была не вне, а внутри ее, чтобы Вселенная была частью ее, а она — частью Вселенной. Но она не хочет, чтобы я покорил Вселенную ее именем, как хочешь ты — ты мне часто повторяла такое в детстве. Юна хочет чего-то другого. Чего?

Злая гримаса переделернула лицо Силы:

— Она хочет ребенка!

Так я ушел от матери...

Конечно, я не лег спать. Отправив «Серебряного феникса» в мусоропровод, я сидел у окна, когда зазвонила входная дверь. Я пошел в прихожую на негнущихся ногах, и мне чудился в комнатах странный звук — так поют над полем высоковольтные провода. Только один человек мог прийти ко мне без приглашения, но я ничем не заслужил его прихода. Я открыл дверь в прихожую, уверенный, что мне померещился долгожданный звон, и готовый заплакать от обиды.

У двери стояла Юна.

Мы так и не успели ничего рассказать друг другу в тот вечер — я не помню ни единого слова, по моему, за весь вечер и ночь так и не было сказано ни одного слова...

В пустой приемной Верховной Ставки, после аудиенции с каким-то пузатым чинном, который всю свою непонятную злобу обрушил на консул-капитана, а меня, главного виновника, величал «этот самый стойкий юноша». Морт Ирис сказал:

— Я тоже живу один. Тебе будет неприятно, если я как-нибудь загляну к тебе?

— Я сказал, что живу отдельно от матери, но не говорил, что я живу один. Приходи. Юна будет рада увидеть тебя.

Я сказал это из вежливости, но Юна на самом деле обрадовалась Мурту. Отец ей понравился, и с тех пор он часто бывает у нас. При ней он становится каким-то незнакомым, открытым и цельным. Мне кажется порой, что Юна знает о нем больше, чем я, и это меня настораживает. Может, она и обо мне знает что-то мне неведомое? Что — хорошее или плохое? И откуда? Ведь она — моя ровесница, мы учились вместе и вместе узнавали жизнь. Почему она знает о людях больше, чем я?

Рубера снится мне все реже, и если бы не будущий трибунал и не звонки матери, я бы забыл о ней окончательно. Бедная Сила! Она не мо-

жет никак смириться, что ампула матери героя — тоже не для нее. Я вижу ее только по видеофону, и меня это вполне устраивает.

О Рубере сейчас много спорят, но мне эти споры неприятны, и я стараюсь не участвовать в них. Пока это удается. Рубера гаснет в моей памяти.

Но вчера я неожиданно проснулся среди ночи и долго лежал с открытыми глазами. Юна спит очень чутко, и я старался дышать в такт с ее дыханием.

Зачем я убил супра? Почему мне не перестали нравиться фейверки?

5

От меня. Сента Энцела, действительного члена Международного Совета Космонавтики, четвертого в Лиге Старейшин, почетного члена тридцати или сорока академий, постоянного консультанта и председателя Комиссий по контактам, всегда почему-то ждущих откровений, которые сразу решат все споры и все расставят по местам. Вначале мне это льстило, потом забавляло, потом стало раздражать. Теперь я привык и примирился с этой неосознанной хитростью, освобождающей поклонника авторитетов от тяжести собственных раздумий и ответственности собственных решений. А кто я, Сент Энцел, авторитет из авторитетов? Просто очень старый человек, который сделал за свою долгую жизнь очень много ошибок — гораздо больше, чем кто-то другой, потому что у меня было неизмеримо больше возможностей для их совершения. Открытия, сделанные в молодости, я теперь сам понимаю с трудом... в них царствует абсолютизм юности, отрицающий права старости на самоуспокоенность и тем оскорбляющий ее шаткое достоинство. И если я все-таки могу чем-то помочь людям в делах, сопряженных с наукой — то единственно своим жизненным, а не научным багажом, ибо отстал от науки ровно на одну жизнь — это говорю я, Сент Энцел, почетный член многих академий, авторитет из авторитетов, и я говорю чистую правду.

В спорах о Рубере, о супрах я слышу невысказанный вопрос, обращенный ко мне. Ведь я видел все собственными глазами и прямо причастен ко всему, что там случилось.

Мне задают вопрос — кто такие супры, и я могу ответить: не знаю. Никто из нас не знает, кто такие супры, и вряд ли узнает в обозримом будущем. Во всяком случае я уже никогда не узнаю. И поэтому предлагаю неизбежный второй вопрос поставить в другой редакции. Не о разумности супров следует вопрошать — прежде стоит подумать: разумны ли были мы на Рубере?

На этот вопрос я отвечаю со всей прямоотой человека, знающего цену ошибкам: нет. Нет! И по вине нашего недомыслия, а не по вине супров или неожиданных обстоятельств, погибли наши товарищи, по нашей общей вине половина Летучих Баз нашла вечный покой в протовитовых пучинах Красной планеты.

Я говорю про общую вину не для того, чтобы уйти за чужие спины. Я готов отвечать за то, что сделал, но я не член иуданской секты, готовый идти на крест за грехи чужие.

Я виноват в том, что потакал Бибиозу. Цид-биолог Сим Бибиоз немолод, такие редко достают звезды с неба, но достав, держатся за них крепко. Я видел, что он спешит с выводами, жертвует чистотой эксперимента ради его зримой убедительности, но кто из нас не участвовал в этой вечной гонке за ускользающей молодостью, за вчерашней смелостью, за промелькнувшей ясностью мысли? Годы безжалостны, они чересчур быстро разменявают золотые россыпи возможностей на медную мелочь достигнутого. Бибиоз спешил, а я не имел твердости осудить его за это. Возможно, влияла на мое отношение и общность касты: он был ученый, а мне нравилось, что он может диктовать свои условия консул-капитану Морту Ирису, человеку другой касты, которая извечно командовала учеными.

Во всяком случае, я относился к Симу Бибиозу более чем снисходительно, не питая особой надежды на его работу. В университете он слыл довольно средним преподавателем. Не думаю, что близость протовита повлияла на него тонизирующим образом.

Вся беда Бибиоза состояла в неверности исходной посылки. Он пользовался шкалой понятий, составленной геянами и, следовательно, вершиной своей имеющей геянина. Еще не видя супров и ничего не зная о них, он без тени колебания отнес их к низшим существам. И соответственно этому строил свою работу. Но на Рубере такая шкала была лишена смысла: супры и геяне находились на одной ступени взаимного непонимания.

Я пробовал объяснить Бибиозу его ошибку, но он, как часто бывает с узкими специалистами, понял меня превратно — точнее, ничего не понял. Я должен был отстранить Бибиоза от работы и «закрыть» возможный контакт. Я не сделал этого. Я виновен.

Но я не чувствую за собой вины в том, что дал разрешение на выстрел торпедой «ноль». Во-первых, я не верил в ее действительность. Она рассчитана на теплокровное существо и работает по принципу эмоционального сверхдопинга, до разрушительной силы умножая чувства. То, что торпеда сработала, — единственный серьезный научный факт, полученный за все время эксплуатации Руберы. Он говорит за то, что супры обладают достаточно высоким уровнем эмоций и, видимо, богатой духовной жизнью — каковы эти эмоции и какого рода духовная жизнь доступна им, можно только гадать. Гибель Нерона показала, что биологический тонус супров весьма далек от деградации, как представляется на первый взгляд.

Время от времени по Гее проносится эпидемия страха перед звездами. Страх этот настолько заразителен, что вербует сторонников среди людей умных и наделенных властью. Именно в периоды таких эпидемий происходят на Гее вещи, которые гораздо опаснее мятежа супров на Рубере — я говорю о возрождении армии.

Мне скажут, что ЗОА — армия нового типа, что у нее иные задачи и другая форма, что вообще обсуждение таких вопросов — вне моей компетенции, но я тоже имею право на страх. Вы боитесь вторжения — я боюсь армии. Вашему страху нет прецедентов, моему — есть. Их много, но самый свежий — Рубера.

Ни консул-капитан Морт Ирис, попросивший разрешения на роковой выстрел, ни три члена МСК, и я в том числе, давшие такое разрешение, ни зистор Кол Либер, задержавший пуск, ни младший зистор Юл Импер, сделавший выстрел без команды, не виновны в случившемся. В нем повинны те, кто послал отряд Армии Звездной Обороны за сотни парсеков от Геи, придав экономически оправданному использованию бесхозного протовита сомнительный привкус военного грабежа.

Расплата не заставила себя ждать. Мы сами отомстили себе за минутное забвение своих собственных моральных принципов.

Трудно быть разумным. Но если мы решились на диалог со Вселенной, надо быть разумным. Без тех условий и оговорок, которые позволяют себе в стенах своего дома. Только доверившись своему разуму, мы сможем довериться разуму чужому, и только на языке доверия прозвучит наше первое «Здравствуй!»

И это взаимное самоусовершенствование будет главной — если не единственной — пользой контакта, на который мы еще продолжаем надеяться. Надо взглянуть в глаза этой простой истине и перестать строить пустые иллюзии по поводу «высших» спасителей, которые преподнесут нам на золотом блюде невиданное техническое могущество, необозримые духовные силы и спокойную совесть солдата, за которого думают «те, кому положено».

Ничего этого не будет и быть не должно. Мы должны расшибать себе носы и будем их расшибать, пока не научимся ходить твердо и прямо. Но мы не должны расшибать носы и не будем их расшибать, чтобы научиться стоять «смирно». Мы не должны и не будем стоять «смирно» в ожидании разрешения быть счастливыми и вольными, как молодая мысль.

Мы — разумны. Я верю в это, как ученый и как старый человек, который совершил за свою жизнь очень много ошибок. Что касается прочего, то вы знаете все не хуже меня — телевизионные экраны и каретки газетных информов перегреваются от сообщений с грифом «Рубера». Геяне никак не могут соединить вместе два слова «Рубера» и «никогда».

И все-таки придется соединить. Нам преподан хороший урок космической вежливости — оказывается, пора быть воспитанными. Международному Совету Космонавтики пришлось вычеркнуть Руберу из перспективного плана звездных визитов. Супры отказались принимать нас в своем доме. Мы плохо вели себя. В ближайшее столетие ни один танкер не подойдет к Рубере — нам придется искать другие родники протовита. Этот родник утерян для человечества, и придется с этим смириться. После долгих дебатов Международный Совет Космонавтики вынужден

был признать, что на сегодняшний день Гея не располагает средствами для обоюдно безопасно-го и продуктивного контакта с супрами. Нет и серьезных идей, которые могли бы быть реализованы в ближайшем будущем.

А предложения были. Много предложений. Разных. Начиная от специальных телевизионных передач для супров, реабилитирующих наше достоинство и улучшающих агрессивные нравы «живых атомоходов». И кончая планами поголовного истребления «отвратительных чудовищ» торпедами «ноль», чтобы без помех откачивать протоны в емкости танкеров.

Первое предложение вызвало дружный хохот, второе не прошло только потому, что какой-то очень робкий молодой человек предъявил прогностические расчеты. С вероятностью тридцать к одному они доказывали изменение химического состава протонита в результате массового забоя и утрату его ценных качеств.

А ведь в наивности первого предложения, сделанного десятилетней девчонкой, было больше смысла и ответственности, чем в атавистической жестокости второго, поданного... Впрочем, неважно, кто подал это предложение. Важно то, что мы еще не научились смеяться над такими вещами. В лучшем случае мы негодуем и стараемся логично доказать обратное. Это очень плохо, когда необходимость добра приходится доказывать. Это значит, что тысячелетия недоверия и ненависти, сделавшие зло почти безусловным рефлексом, еще одинаково живы в крови противников. Но оно должно наступить, время, когда безусловным рефлексом станет добро, когда призыв к злему делу вызовет дружный хохот многотысячной аудитории — этот день станет первым днем Разума!

Ну вот, я увлекся и невольно заговорил откровениями, которых ждали от меня. Я стал в позу пророка и с легким сердцем предсказал лучшие времена. Я даже превысил полномочия — примерял багряную тогу надмирного судьи, обличающего пороки сограждан и, кажется, весьма преуспел. Это позволило мне полюбоваться собой, своей смелостью, своей принци-

пиальностью и эрудицией, своей дальновидностью и любвеобилием. Наивное высокомерие! Печальная слепота тех, кто ведет за собой, вечная казнь тех, кто живет головой! Все мы хорошо и подробно знаем, как не надо делать, но никто не знает определенно, как надо.

Я не могу быть беспристрастным судьей трагедии на Рубере, я сам ее участник.

У меня отнюдь не старческий слух, и я часто слышу за спиной: «А коллега Энцел, кажется, выжил из ума». Это — тоже суд, суд скорый и несправедливый. Мой разум ясен, как никогда, но я вижу теперь не только одежду окружающих, не только их кожу, дряблую или упругую, но и то, что под кожей — красные бугры мышц, оплетенные изощренным голубым орнаментом нервов, переплетение кровеносных сосудов, соединивших неразрывно два полюса жизни — сердце и мозг... Они неразрывны в теле и наполнены одной кровью, они неразрывны в делах — это единство и зовется Разумом, который нести нам в пространства, как лучшее свое достояние.

Я с нежностью вспоминаю тех, с кем свел меня на ЛБ-13 случай в час испытания. У каждого из нас была своя звезда, и каждый жил на своей планете, и каждый двигался по своей жизненной орбите. Каждый из нас был далек от другого, как звезда от звезды, и знал другого не лучше жителя Альфы Центавры. Но в час опасности одинокие звезды мгновенно превратились в созвездие. И недаром нашим героем стал тот, от которого меньше всего ждали этого — консул-капитан Морт Ирис. Не берусь судить, какие лавины потрясли его душу и какие огни воспламенили кровь, но в одну ослепительную секунду он не только узнал, но и сделал, как надо.

Мне хочется верить, что не только крайняя опасность соединяет живущих в единый разум и не только непоправимые ошибки способны изменить закостеневшее понятие. Но если я неправ, то пусть будут опасности и ошибки. Крайние опасности и непоправимые ошибки.

Поучительная история. Научит ли она нас чему-либо?